

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93:316.485.22:329.7

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный аграрный
университет им. П. А. Столыпина

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЛОКАЛИЗАЦИИ

В формировании протестных настроений в национальной среде возможно выделение этапов. Несмотря на то что протестные настроения в данном случае невозможно ликвидировать полностью и навсегда, в зависимости от сложности сформировавшейся ситуации органы государственной власти могут локализовать возможную вспышку насилия на национальной или конфессиональной почве.

Ключевые слова: национальное возрождение, ислам, Сибирь, межнациональный конфликт, автономия, федеративное государство.

Обращаясь к обозначенной проблеме, необходимо отметить, что автор публикации исходит из того факта, что «национально-освободительная борьба», или «национальный сепаратизм», носит не ограниченный во времени и связанный с каким-либо отдельным историческим периодом, как считает ряд исследователей, а постоянный характер. Различного рода проявления протестных настроений, связанных с национальными, этническими и конфессиональными противоречиями имели и имеют место практически во всех уголках земного шара независимо от уровня и типа социально-экономического развития, формы правления, государственного устройства и государственного режима.

Достаточно вспомнить: проблему Северной Ирландии и Шотландии в Объединенном Королевстве; провинции Квебек в Канаде; курдский вопрос в Иране, Ираке, Турции, частично Сирии; проблемы внутренней Монголии и Тибета в КНР; хитросплетения административно-государственных и национальных вопросов на территории бывшего СССР; распад СФРЮ; развал в 1938 г. и «развод» в 1993 г. Чехословакии. Можно сделать вывод, что явления, именуемые сторонниками борьбы за национальную независимость «национально-освободительной борьбой» и противниками отделения национальных анклавов от какого-либо государства «национальным сепаратизмом», будут существовать всегда и, как следствие, речь

может идти только о формировании протестных настроений, предотвращении или локализации конфликтов на национальной почве.

Мониторинг национальных конфликтов и противостояний дает основание считать, что всплески политической (а иногда военно-политической) активности на национальной почве носят периодический характер и повторяются каждые 20 плюс/минус 5 лет, что во многом совпадает с демографическими циклами смены поколений. То есть имеет место классический конфликт «отцов и детей», усугубленный национальной проблематикой. В качестве примера подобного типа конфликтов и решения назревающих противоречий интересен исторический экскурс на Балканы: «Балканские тревоги» (1912, 1913 гг.), создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918 г.), с 1929 г. Королевства Югославия, преобразование последнего в республику с федеративным устройством (1945 г.), изменение её контуров в 1970-е гг., заявление Словении и Хорватии о выходе из СФРЮ (1991 г.) и сопровождавшийся войной и иностранным вмешательством её распад в 1992–2008 гг.

Подобную хронику состоявшихся конфликтов и удачных или неудачных методов их недопущения или локализации можно составить применительно к ранее указанным в статье проблемным регионам и государствам, распространившим на данные регионы свою юрисдикцию.

Открытым остается вопрос: что порождает всплески политической активности на национальной почве — так называемые лидеры национальных движений (политики, журналисты, ученые), ориентирующие подпавшие под их влияние группы сограждан на поиски собственного национального пути, или государственная система (унитарная, федеративная или какая-либо другая), не способствующая реализации экономических, культурных возможностей, политических прав и свобод, социальных гарантий для той или иной национальной общности?

Говоря о формировании протестных настроений, целесообразно поставить вопрос о выделении в данном процессе нескольких этапов:

— этап пропаганды идей национального возрождения (включающий в себя исторический, общекультурный, конфессиональный аспекты);

— политический или юридический этап (связанный с созданием организаций на национальной основе, юридическим оформлением требований «титальной нации» к государству, участием в политической жизни страны);

— административно-национальный этап, связанный с попытками политической и юридической суверенизации территории (возможными обращениями к международному сообществу).

При этом следует обратить внимание на тот факт, что первый этап выглядит вполне безобидно. Приведем примеры пропаганды идей национального возрождения среди сибирских татар, проживающих на территории Омской области. Первые печатные публикации были связаны с деятельностью Омского обкома КПСС в сфере национальной политики. Составной частью разработки национальных проблем стал выпуск в октябре 1988 г. журнала «Политинформатор и агитатор» (№ 19–20) со статьей крупного исследователя Н. Томилова «Татары». Более чем 20-тысячный тираж издания, его невысокая цена делали материал доступным любому жителю области, интересующемуся данной проблемой. Значительное место в пропаганде идей возрождения исламских народов сыграл спецвыпуск «Мусульмане» журнала

«Земля сибирская, дальневосточная» (№ 7–8, 1992). Интереснейшее для своего времени издание распространялось медленно в связи с высокой стоимостью. Наиболее активно проблема сибирских татар обсуждается в 1993–1994 гг. Данное явление связано как с ростом национального самосознания и возможной помощью метрополий, так и с научным интересом (600-летие ислама в Сибири). В феврале 1994 г. вышел «нулевой» номер газеты «Минарет», издаваемый исламским культурным центром Сибири. В апреле того же года появился первый номер этой газеты. В издании, обозначенном как «мусульманская религиозно-познавательная газета», печатались материалы по истории ислама в Сибири, публикации о положении женщин в исламе, большая подборка корреспонденций, так или иначе связанных с Ираном, рекомендации изучающим ислам. В это же время выходит газета «Вестник культуры» (№ 2, 1994), посвященная 600-летию ислама в Сибири. На её страницах содержалась аналогичная подборка материалов.

В июне-июле 1994 г. основная часть материалов из газеты «Вестник культуры» была опубликована в районной газете «Усть-Ишимский вестник». По подсчетам автора, из 16 номеров газеты в девяти были помещены статьи, так или иначе посвященные обозначенной выше тематике. Публикации подразделяются по проблематике. Можно выделить: фоторепортажи по поводу празднования Сабантуя и открытия мечети; материалы, связанные с 600-летием ислама («Ведь религия — это и есть культура», «Дата, достойная празднования»); публикации, связанные с культурой, наукой и ролью в ней сибирских татар, вышедшие из-под пера Ф. Валиева.

Несколько выделяется на указанном фоне статья «Праздник сибирских татар», где содержится программа возрождения татарского народа в Сибири [1]. Нужно отметить, что с указанной публикацией произошел переход от первого этапа «пропаганды идей национального возрождения (включающего в себя исторический, общекультурный, конфессиональный аспекты)» к этапу второму, «политическому или юридическому (связанному с созданием организаций на национальной основе, юридическим оформлением требований «титальной нации» к государству, участием в политической жизни страны)».

К второму этапу, с некоторыми оговорками, следует отнести распространение на территории Омской области брошюры В. Имамова «Запратанная история татар» (Набережные Челны, 1994) — на русском языке, Р. Эмирхана и В. Имамова «Татарларнын Ватан сугырыши» (Яр Чалы, 1993) — на татарском языке, Г. Исхакия «Урал» (Яр Чалы, 1992) — на татарском языке. Данная литература привозилась по почте отдельным лицам, привозится эмиссарами из Казани. Зимой 1993/94 гг. она распространялась на мероприятиях татаро-башкирского культурного центра.

В брошюрах давался исторический экскурс «национально-освободительной борьбы татарского народа в XVI–XVIII вв. за создание независимого государства». Необходимо отметить, что в Татарстане они были рекомендованы в качестве пособия по истории родного края. В то же время в изданиях содержался обильный антирусский материал. Так, на страницах русскоязычного издания В. Имамова читателю представлен исторический взгляд на русских как врагов татарского народа. Уже во вступлении автор заявляет: «Все, что было славного в истории других наций и народностей, населяющих территорию нынешней империи, присваивается рус-

скими», а там, где «плюнул русский солдат, — там «исконно русская земля» [2, с. 4–5]. Брошюры иллюстрированы: в «Урале» [3, с. 17] читателю дается возможность рассмотреть сцену насильственного крещения татар русским «попиком» в сопровождении воинов с христианскими крестами на щитах и кольчугах; в «Запрянной истории татар» [2, с. 24] ярко изображено сражение батыров с русскими карателями, а также помещена репродукция картины В. И. Венига «Взятие Казани русскими в 1552 году», «затерянной» в тайниках империи [2, с. 40–41]. Данные иллюстрации перекликаются с фотографиями, характеризующими нынешнее национально-освободительное движение. На снимках лозунги «татары погибли, но не сдались» [2, с. 60]. В брошюре «Татарларнын Ватан сугырышы» помещены фотографии национальных митингов и демонстраций [4, с. 18–20], снимок бойцов ОМОН, противостоящих одной из таких демонстраций [4, с. 79].

В июне 1994 г. в Омске было распространено хорошо изданное «Письмо Батырши Императрице Елизавете Петровне» (Уфа, 1993) с введением и комментариями академика Г. Б. Хусайнова. Книга является великолепным научным изданием и способна заинтересовать широкий круг историков, филологов и всех тех, кому небезразлична история башкирского и татарского народов. В ней упомянуты поездки Батырши в 1754–1755 гг. по Оренбургской, Казанской, Тобольской губерниям [5], что давало возможность радикально настроенной части лидеров национальных движений ставить вопрос об историческом и территориальном приоритете коренной национальности на данных территориях.

Своеобразной формой пропаганды идей национального возрождения стали научные конференции. 1–4 июня 1994 г. прошла конференция «Исламская цивилизация в преддверии XXI века. 600 лет ислама в Сибири». Конференция носила не только научный, но и общественно-политический характер. В ее работе принимали участие мусульманское духовенство, представители общественных движений, отдельные бизнесмены. Мероприятие сыграло консолидирующую роль в деятельности национальных движений. Характерно, что идею проведения следующей конференции, посвященной 750-летию Золотой Орды, выдвинул не ученый, а представитель Милли Меджалиса сибирских татар Р. Яхина [1]. И в данном случае речь шла о переходе с первого на второй из этапов формирования протестных настроений.

От пропаганды идей национального возрождения к политической деятельности на территории Омского Прииртышья в конце 1993 г. попыталось перейти движение «Ватан». Представитель движения Х. Садыков был выдвинут кандидатом в депутаты. В марте 1994 г. во время выборов в местные органы власти Х. Садыков и М. Хамидов баллотировались в Законодательное собрание Омской области. Однако представители движения в ЗСОО не попали, а выборы депутатов Государственной думы 1995 г. показали, что сплочения мусульманской диаспоры по политическому признаку не произошло [6, с. 69].

Пример Омской области, в данном случае, типичен для российских субъектов середины 90-х гг. XX в. Но другие субъекты РФ прошли по указанному пути дальше. Так, Республика Татарстан, в ходе общественно-политических процессов оказалась на третьем этапе — административно-национальном, этот этап связан с попытками политической и юридической суверенизации территории (возможными обращениями к международному сообществу).

В исследуемый временной период все этапы формирования «протестных настроений» прошел один субъект РФ. В военно-политический этап, предполагающий террористические акты и наличие военного конфликта с государством, вступила Чеченская Республика.

Анализ ситуации на Северном Кавказе заставляет ставить вопрос о наличии в исследуемый период обозначенных выше процессов и в других субъектах данного региона.

История знает несколько методов локализации национального противостояния.

Первый, наиболее старый и консервативный метод локализации, — подавление. При этом подавление может быть открытым, когда вооруженные силы брошены в регионы, где ведется борьба за независимость. Это пример Турции, неоднократно подавлявшей национально-освободительное движение курдов, или Грузии, начавшей в 2008 г. операцию под названием «Бросок тигра», призванную подчинить Южную Осетию. Или периодические чистки национальной интеллигенции в национальных регионах, находящихся на первом или втором этапе формирования протестных настроений.

Второй метод — введение широкой культурной, экономической и политической автономии. В 20–30-е гг. XX в. активно использовался руководством СССР. Политическая составляющая при реализации советской модели изначально стояла под вопросом в связи со становлением в стране однопартийности. Экономическая автономия не была реализована в результате установления административно-командной системы управления экономикой. Точку на культурной автономии поставила третья программа КПСС, провозгласившая слияние наций и народностей. К культурно-национальной политике с начала 80-х гг. попытались вернуться наиболее трезвомыслящие представители правящей элиты СССР. Использовался этот опыт в РФ.

Интерес представляет третий метод решения проблемы — «финансовые инъекции» в национальные районы. Данную политику проводило по отношению к курдам исламское руководство Ирана, пыталось осуществлять руководство КНР по отношению к УСУА. Эпизодически метод использовался в СССР. Руководство Российской Федерации не отказалось от него применительно к национальным регионам Сибири.

Использование четвертого метода — создание федеративного государства — не раз спасало территориальную целостность стран. Достаточно вспомнить уже исчезнувшие с политической карты мира: ЧССР, СФРЮ, СССР. И обратить внимание на опыт существующих в качестве субъектов международного права: Королевства Бельгии, Малайзии, ОАР, Республики Индия, Канады. Впрочем, к указанному методу в 20-е гг. прошлого столетия, несмотря на мнение Й. Пилсудского, не обратилась польская политическая элита, чем вызвала сопротивление на своих восточных (Западная Украина) территориях. От федерализации отношений на территории Украины, после распада СССР, отказались её лидеры.

Естественно, не потерял актуальность и вопрос о локализации национального противостояния путём ликвидации многонационального государства. Опыт показывает, что вышеуказанное решение вопроса не спасает от дальнейших конфликтов. Распад СФРЮ повлек за собой череду войн и непрекращающиеся конфликты между национальными диаспорами, разбросанными по территории некогда мирной

и цветущей страны. Не просто обстоит с проблемами прав нацменьшинств, самой различной национальности на пространствах бывшего СССР. Непредсказуемы последствия децентрализации Малайзии и Республики Индия.

Выше уже указывалось на периодичность и циклический характер всплесков национальной активности. Следует отметить, что они зависят от процента государственно-образующей нации. Анализ межнациональных конфликтов и последующих за ними распадов государств позволяют сделать вывод: центробежные процессы начинаются при уменьшении государственно-образующей нации до 60 %. Ситуация зачастую отягощается изменением геополитической картины того или иного региона.

В результате Первой мировой войны и межнациональных конфликтов в 1918–1919 гг. рассыпались Российская и Австро-Венгерская, исчезла Оттоманская империя. В результате сложных, многогранных процессов на территории первой в 1922 г. появился СССР (уже без территории Великого княжества Финляндского, прибалтийских губерний, Царства Польского и Бессарабии — что обеспечило в новом государстве упомянутый процент государственно-образующей нации). На месте второй возникли Австрия, Венгрия, Чехословакия. Расширили свои границы Польша, Италия. Сербия территориально приросла и стала Королевством сербов, хорватов и словенцев. Оттоманская империя, потеряв огромные территории, превратилось в Турецкую Республику.

По итогам Второй мировой войны произошел ряд изменений. СССР расширил федерацию, ряд народов был подвергнут репрессиям. Югославию и Чехословакию коммунистические лидеры сумели воссоздать в виде социалистических федераций, сохранив их территориальную целостность.

Назревший к 90-м гг. XX в. конфликт интересов наций на территории СССР был вызван как очередной сменой поколений, так и снижением процента

русского населения. К тому же отказ лидеров СССР от социалистического пути развития вызвал геополитический передел, конечным результатом которого стало исчезновение Чехословацкой и Югославской федераций. Был разрушен Советский Союз.

Было бы некорректным рассчитывать время возникновения национального противостояния в том или ином регионе, на территории какого-либо государства, тем более что своевременно проводимая внутренняя политика локализации способна спасти многонациональные государства и народы, проживающие в их границах от ужасов межнационального конфликта в последней фазе его проявления.

Библиографический список

1. Усть-Ишимский вестник. — 1994. — 6 августа.
2. Имамов, В. Запрятанная история татар / В. Имамов. — Набережные Челны : Газ.-кн. изд-во Камаз, 1994. — 80 с.
3. Исхакия, Г. Урал / Г. Исхакия. — Яр Чалы : Газ.-кн. изд-во Камаз, 1992. — 56 с.
4. Эмирхан Р. Татарларнын Ватан сугырышы / Р. Эмирхан, В. Имамов. — Яр Чалы : Газ.-кн. изд-во Камаз, 1993. — 80 с.
5. Новиков, С. В. Пропаганда идей национального возрождения: формы, содержание / С. В. Новиков // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., март 1995. — Тобольск : Гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева, 1995. — С. 80–83.
6. Выборы: политические партии, пресса, избиратель (1988–1995) / Под общ. ред. С. В. Новикова. — Омск : НСИА Центр, 1996. — 72 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин. Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2014 г.

© С. В. Новиков

Книжная полка

История России : учеб. / А. С. Орлов [и др.] ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2014. — 527 с. — ISBN 978-5-392-11554-9.

В учебнике изложена история России с древнейших времен до наших дней с учетом новейших данных, накопленных исторической наукой. Для студентов вузов, абитуриентов и всех интересующихся историей Отечества.

Гефтер, Михаил. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским / Михаил Гефтер ; ред. В. Быкова. — М. : Европа, 2014. — 400 с. — ISBN 978-5-9739-0220-9.

Книга бесед великого историка и философа Михаила Гефтера (1918–1995) содержит наиболее полное изложение его взглядов на советскую историю как кульминацию русской. Возникновение советской цивилизации и ее самоубийство, русский коммунизм и русский мир — сквозь судьбы исторических персонажей, любивших, ненавидевших и убивавших друг друга. Многих из них Гефтер знал лично или через знакомых. Необычны и пронзительны наброски интеллектуальных биографий В. И. Ульянова (Ленина) и Иосифа Сталина. В разговорах Михаила Гефтера с Глебом Павловским история предстает как цепь поступков, где каждое из событий могло бы быть другим, но выбор политически неизбежен и уйти от него нельзя.

РОЛЬ СОВЕТА В СТРУКТУРЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается проблема административной эффективности Совета в рамках Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Данное исследование позволяет ввести в научный оборот документы из фондов Государственного архива Омской Области и осветить актуальные вопросы региональной истории.

Ключевые слова: администрация, чиновничество, власть, генерал-губернаторство.

Политическая составляющая функционирования региона представляет собой целостную, упорядоченную совокупность политических институтов, ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества в регионах, подчиненных принятым в конкретном обществе политическим, социальным, юридическим, идеологическим, культурным нормам, историческим традициям и установкам политического режима. Именно политическая система в регионе организует отношения между обществом и государством, определяет протекание политических процессов, включающих институционализацию власти, характеризует состояние политической деятельности, уровень политического творчества в обществе, характер политического участия, неинституционализированных политических отношений [1, с. 99]. Несмотря на то что основные принципы местного управления в Российской Федерации сегодня устанавливаются федеральным законодательством, как отмечают западные политологи, анализирующие российские политические реалии, каждый субъект федерации определяет свою внутреннюю организацию («each federal subject determines its own internal organization» [2, с. 149]). «Внутренняя организация» политической жизни региона неизбежно оказывается подвержена влиянию исторического наследия и социокультурных факторов, связанных с коллективной памятью.

В этой связи представляется особенно актуальным обращением к историческому опыту административного управления отдельными регионами. Целью данной статьи явилось исследование проблемы административной эффективности Совета в рамках Западно-Сибирского генерал-губернаторства, функционировавшего в XIX в.

Административная структура Западно-Сибирского генерал-губернаторства, созданная в 1822 году, была результатом трудов попавшего в немилость при дворе за свои либеральные убеждения, талантливого и умного чиновника Михаила Михайловича Сперанского. Согласно разработанному Сперанским законопроекту, Сибирь была поделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. Главным звеном власти генерал-губернаторства являлось Главное управление, внутри которого должна была действовать система противовесов власти генерал-губернатора и Совета, советников, назначаемых

генерал-губернатором и советников от министерств. В связи с этим возникает вопрос, насколько закон совпадал с реальной административной практикой Главного управления Западной Сибири?

Следует отметить, что разработке законопроектов административного устройства Сибири предшествовала большая работа. В 1819 году М. М. Сперанский был назначен генерал-губернатором Сибири и одновременно ревизором, которому поручалось «придать кого нужно законному суждению» и сообщить «на месте полезнейшее устройство сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге» [3, с. 34]. Ревизия вскрыла вопиющие злоупотребления, произвол местного начальства и полное бесправие населения Сибири. Добравшись до Иркутска, Михаил Михайлович через несколько дней напишет ставшие впоследствии знаменитыми строки: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд... то здесь оставалось бы всех повесить» [4]. В Томской губернской администрации реформатор не нашел ни одного чиновника, не берущего взятку. Ему пришлось даже дела о взятках из разряда уголовных отнести к делам гражданским, распорядившись прекращать их в тех случаях, если взяточники возвращали деньги, полученные от просителя [4].

Провозгласив принцип гласности, М. М. Сперанский убедил население в том, «что жалобы на местное начальство не составляют преступления» [4]. Уровень недовольства сибирской администрацией оказался колоссальным — количество жалоб доходило до трёхсот в день [3, с. 35]. В результате двухгодичной энергичной работы реформатора и его помощников был проанализирован огромный комплекс материалов и создана новая административная структура Сибири.

По мысли М. М. Сперанского, Совет как орган коллегиального управления должен был ограничить самовластие генерал-губернатора [5, с. 118] и пресечь самоуправство и коррупцию местной сибирской бюрократии, выявленные ревизией 1819—1822 года [3, с. 36]. Совет составляли три представителя от министерств внутренних дел, финансов и юстиции и три советника-делопроизводителя, возглавлявшие отделения Совета. Представители от министерств назначались по рекомендации соответствующих министерств, а советники-делопроизводители — по представлению генерал-губернатора [6]. То есть

внутри Совета должен был работать принцип сдержек и противовесов: с одной стороны, чиновники от министерств, с другой — чиновники, назначенные генерал-губернатором. Таким образом, два вектора власти: центральная (министерская) и местная (региональная) должны были контролировать друг друга. Этот же механизм вводился на уровне губерний и округов (уездов). Такой либеральный элемент в структуре имперской администрации в тот период времени являлся новшеством в законодательной и административной практике.

Согласно букве закона, в административной практике Главного управления выделялись случаи, находившиеся в личной компетенции генерал-губернатора, и случаи, требовавшие обсуждения в Совете. К компетенции генерал-губернатора относились следующие вопросы: 1) побуждение подчиненных к производству дел, 2) обозрение и ревизии местных управлений, 3) определение и увольнение чиновников, 4) рассмотрение и представление о наградах чиновникам. А такие вопросы, как: 1) рассмотрение ежегодных отчетов по управлению краем, 2) рассмотрение обозрений, ревизий и следствий, 3) пересмотр уголовных дел и приостановление судебных приговоров, 4) рассмотрение чрезвычайных случаев, не предусмотренных законом, — должны были обсуждаться в Совете [7, ст. 18, 19]. Однако в законе имелась формулировка, позволявшая генерал-губернатору в любом случае руководить единолично, без вмешательства Совета. После подробного перечисления предметов, «кои подлежат соображению в Совете Главного управления», следует оговорка: «Из сего исключаются те случаи, кои генерал-губернатор признает или столько настоятельными, что не можно ожидать на них мнения Совета, или столько тайне подлежащими, что единство действия найдет он необходимым, и потому разрешает их непосредственно» [7, ст. 19].

Таким образом, только при поддержке генерал-губернатора советники могли оказывать влияние на формально нижестоящие местные органы власти. Но в то же время советники имели право на особое мнение, которое фиксировалось в журнале заседания. И в случае рассмотрения дела на высшем уровне, в Петербурге, это мнение могло быть учтено [7, ст. 386].

Не удивительно, что в таких условиях члены Совета редко осмеливались противостоять генерал-губернатору, но, если подобное все-таки происходило, смельчаки в результате оказывались не у дел. Например, для надворного советника Вахрушева, представлявшего в Совете главного управления Западной Сибири министерство юстиции, несговорчивость с коллегами закончилась тем, что, прослужив всего год, он подал прошение об отставке «по причине расстроенного здоровья». На деле Вахрушев дерзнул подвергнуть критике не только отдельных «неблагонадежных и неспособных» чиновников, но и самого генерал-губернатора И. А. Вельяминова, обвиняя последнего в излишней властности, равнодушии к рекомендациям и выводам советников ГУЗС, несправедливым увольнении чиновников и т. д. Все эти жалобы, поданные Вахрушевым в Сибирский комитет, остались без ответа [8, с. 144, 145].

Должность советника Главного управления относилась к V классу, которому соответствовал чин статского советника. В России при назначении чиновников допускались отклонения в ту и другую сторону на один-два класса [9, с. 74, 22]. Но для обоих Главных управлений Сибири при назначении советников было характерно отклонение в сторону пони-

жения класса, причем нередко ниже принятой нормы. Это была вынужденная мера в условиях цивилизационной неустроенности, сурового климата Сибири и недостатка чиновников, способных и желающих занять эту должность. Поэтому немногие из чиновников Совета Главного управления имели чин статского советника [10].

Формально чиновник, занимавший должность советника ГУЗС, являлся представителем высшего чиновничества не только в масштабах Сибири, но и Российской империи. Служба в Совете Главного управления считалась почетной, но назначение на фактически более выгодные должности губернского уровня воспринималась как повышение. И причина здесь не только в большей степени самостоятельности и влиятельности, которую дают должности в губернской администрации. По данным Н. П. Матхановой, из формулярных списков за 1845 и 1853 годы содержание членов Совета составляло 1143 рубля 68 копеек жалованья и 285 рублей 95 копеек столовых. В то же время председатели губернских казенных палат получали 1400 рублей жалованья, 1287 рублей столовых и 428 рублей 85 копеек квартирных [9, с. 83].

Соглашаясь в принципе с выводами Н. П. Матхановой, считаем необходимым сделать некоторые уточнения. Существовала заметная разница между положением советников от министерств и советников-делопроизводителей. По реальным административным возможностям советники-делопроизводители заметно превосходили советников министерств. Этот факт отмечали еще современники. Так, начальник Сибирского жандармского округа Н. Я. Фалькенберг писал: «Советники ... назначаемые от министерств, были и есть большею частью люди малознающие и малоспособные, а потому они подписывают только журналы, составленные советниками-делопроизводителями». Позже он замечал по поводу советников министерств, что «круг действий» этих чиновников «состоит только в небольших совещаниях» [10, с. 111]. Хотя формально канцелярия являлась лишь «прикладным инструментом» к институтам генерал-губернатора и Совета, но фактически, и в этом следует согласиться с А. В. Ремнёвым, «роль канцелярии и чиновников среднего звена... оказывалась гораздо выше той официальной роли, которую они были призваны исполнять» [11, с. 104]. Сила канцелярии была в непосредственном участии в делопроизводстве, как указывал хорошо знавший реальную управленческую практику М. А. Корф, от неё зависело «назначение дел к слушанию в той или другой очереди... образ изложения или словесного объяснения дел, наведение или пропуск примеров и справок из прежних производств» [10, с. 112].

Дело в том, что, благодаря руководству канцелярией, а отнюдь не принадлежности к высшему совещательному органу края, советники-делопроизводители, руководившие отделениями Совета главного управления, непосредственно включались в процесс чиновничьего делопроизводства. То есть от них зависело, будет ли дан ход какому-либо делу и в каком виде оно будет преподнесено вышестоящим властям.

Даже такой честолюбивый генерал-губернатор, как Г. Х. Гасфорд, не мог приструнить своего правителя канцелярии И. В. Почекунина. Дело в том, что его высокопревосходительство очень болезненно воспринимал успехи генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, получившего титул графа Амурского. Поэтому для Густава Христиановича лучшей рекомендацией чиновника был факт его неприятия со стороны генерал-губернатора Восточ-

ной Сибири. В связи с этим не удивительно, что статский советник И. В. Почекунин, уволенный Муравьевым-Амурским с должности правителя канцелярии за взятки, быстро завоевал доверие Г. Х. Гасфорда. С этого момента почти все должности в Западной Сибири раздавались через И. В. Почекунина. Будучи достаточно опытным в канцелярских делах, он сумел сплотить вокруг себя Главное управление Западной Сибири и стал вдохновителем всех хищений, осуществлявшихся членами управления по всем четырем отделениям. Впоследствии Г. Х. Гасфорд признавался, что знал об этих злоупотреблениях, но «держал их в руках, производя по временам для их острастки гром и молнию». «Гром и молния», по воспоминаниям П. П. Семёнова-Тян-Шанского, состояли в том, что, «собрав от своих очень удачно выбранных чиновников особых поручений некоторые данные по какому-нибудь крупному злоупотреблению, он разослал обвиняемого в присутствии всех, не жалея даже резких выражений, на что виновные низко кланялись, не отрицая своей вины» [12, с. 47]. Этим и ограничивались антикоррупционные мероприятия Г. Х. Гасфорда, после чего чиновники, спустя некоторое время, снова брались за старое [13, с. 87].

Таким образом, благая мысль автора «Учреждения для управления сибирских губерний и областей» М. М. Сперанского о равновесии властей как средстве против самовластия генерал-губернаторов и коррупции, к сожалению, на практике не получила развития. В законе изначально были общие формулировки, создававшие правовую лазейку для нарушения равновесия властных полномочий внутри Главного управления в пользу генерал-губернатора. На деле должности советников от министерств были для их обладателей весьма почётными, но малоэффективными с точки зрения административных возможностей. Советники-делопроизводители имели большое влияние, но оно объяснялось не принадлежностью к Совету, а теми административными ресурсами, которые даёт руководство канцелярией и непосредственное участие в процессе делопроизводства.

Исследование административного механизма Западно-Сибирского генерал-губернаторства, центром которого с 1839 года стал Омск, позволяет ввести в научный оборот документы из фондов Государственного архива Омской Области и осветить актуальные вопросы региональной истории. Мы полагаем, что исторический опыт функционирования Совета в рамках Западно-Сибирского генерал-губернаторства необходимо учитывать в ходе реализации федеральной и региональной политики в современной Омской области.

Библиографический список

1. Барбаков, О. М. Регион как объект управления / О. М. Барбаков // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 96–100.

2. Schakel, A. A. Postfunctionalist Theory of Regional Government / A. A. Schakel. — Veenendaal : Universal Press, 2009. — 277 p.

3. Дамешек, Л. М. Личность в истории Сибири XVIII–XX веков / Л. М. Дамешек // Сборник биографических очерков. — Новосибирск : ИД Сова, 2007. — С. 34–40.

4. Софронов, В. Испытание Сибирью / Вячеслав Софронов // Журнальный зал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/sib/2008/5/so10.html> (дата обращения: 03.03.2014).

5. Кодан, С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства / С. В. Кодан // Политика самодержавия в Сибири XIX–начала XX вв. — Иркутск, 1988. — 118 с.

6. Учреждение об управлении сибирских губерний. 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание I. — Т. XXXVIII. — СПб. : Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — № 29125.

7. Учреждение для управления сибирских губерний и областей // СЗ. — СПб., 1857. — Т. II. — Ч. 2. — Кн. 1. — Ст. 18, 19.

8. Ремнёв, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнёв ; отв. ред. А. П. Толочко. — Омск : ОмГУ, 1995. — 236 с.

9. Матханова, Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 250 с.

10. Отчёт западно-сибирского генерал-губернатора за 1855 год // Государственный архив Омской области. — Ф. 3. Оп. 3. Д. 4382.

11. Ремнёв, А. В. Тайные пружины царских канцелярий, или История жизни одного российского бюрократа / А. В. Ремнёв // Выдающиеся государственные деятели России XVII–XX вв. — Омск, 1996. — С. 101–133.

12. Семенов-Тян-Шанский, П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары / П. П. Семенов-Тян-Шанский. В 2 т. Т. 2. — М. : ОГИЗ, 1946. — 381 с.

13. Вибе, П. П. Ученый генерал / П. П. Вибе // Омская старина. — 1993. — № 2. — С. 83–90.

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и экономики.

ДЕНИСОВ Юрий Петрович, кандидат политических наук, заместитель декана педиатрического факультета, старший преподаватель кафедры истории Отечества и экономики.

Адрес для переписки: nattta00@List.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2014 г.

© Н. М. Емельянова, Ю. П. Денисов

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И СУДЬБА АГРАРНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ «СИБРЕВКОМОВСКОЙ СИБИРИ» (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1919 — НАЧАЛО 1920-х гг.)

В статье рассматриваются социально-экономические преобразования советских земельных органов в сибирской деревне во второй половине 1919 — начале 1920-х годов. На широкой источниковой базе показан процесс социалистической реконструкции аграрного сектора, организации на базе бывших предпринимательских хозяйств крупных совхозов, сельскохозяйственных коммун, трудовых артелей и других производственных объединений крестьян. Автор акцентирует внимание на итогах развития социалистических форм ведения аграрного производства в 1920-х гг.

Ключевые слова: сибирская деревня, советская аграрная политика, сельскохозяйственное предпринимательство, частновладельческие земли, национализация земли и имущества, советские и коллективные хозяйства.

После восстановления во второй половине 1919 г. Советской власти на территории Сибири, аграрная политика, проводимая советскими земельными учреждениями с начала 1918 г., была несколько скорректирована. В обращении ВЦИК и Совнаркома к рабочим и сельскому населению Сибири, опубликованном 16 августа 1919 г., объявлялось о дополнительном наделении всех категорий сибирского крестьянства и казачества национализированной землей, находившейся ранее во владении казны, Кабинета, войскового запаса, казачьего офицерства и чиновничества. При этом ограничивать землепользование хозяйств, основанных только на личном труде, категорически запрещалось [1, с. 25–28].

На территории «Сибревкомовской Сибири» было распространено земельное право Советской России, по которому, вся земля находилась во «всенародном достоянии», а фактически ее единственным собственником являлось государство. Земли «трудового использования» оставались неприкосновенными и урезкам не подлежали. Ограничению в землепользовании подвергались «явно кулачские помещичьи хозяйства, обрабатывающие землю главным образом наемным трудом» [1, с. 275–279]. Все нетрудовые хозяйства подлежали национализации, так как действующее законодательство провозглашало приоритет коллективных форм землепользования [2, Оп. 1. Д. 12. Л. 26–26 об.].

Следует отметить, что в Сибири, где частное землевание не получило широкого распространения, несмотря на ряд попыток его насаждения, в конце 1919 — начале 1920 г. обобществленным формам ведения сельского хозяйства по сравнению с единичными отводилось подчиненное место. Более того,

среди руководителей земельных органов региона развернулась дискуссия о соотношении индивидуальных и коллективных форм развития сельского хозяйства. В итоге в марте 1920 г. пришли к выводу, что создание совхозов и других социалистических форм земледелия в Сибири допустимо только в качестве показательных мер для крестьян [3, с. 83].

В соответствии с действующим на территории Советской России аграрным законодательством и директивами Сибревкома по отношению к сельским предпринимателям региона проводилась политика, направленная на национализацию их хозяйств. По мнению Сибревкома, в бывших предпринимательских хозяйствах должны быть созданы доступные для трудового населения питомники племенного скота, склады общественных машин, рассадники улучшенных семян, школы обработки земли, кузницы и мастерские. Данные программные установки и предопределили судьбу сельскохозяйственного предпринимательства в Сибири на ближайшую перспективу.

В конце 1919 — начале 1920 г. земельные органы Западной Сибири приступили к учету и обследованию частновладельческих имений, а также культурных и показательных хозяйств, принадлежащих казне и различным общественным учреждениям [4, Оп. 1. Д. 157. Л. 50–51]. Перед специалистами, отправляемыми на места для выполнения данного задания, были поставлены следующие задачи: создать рабочие комитеты и администрацию по управлению хозяйствами, произвести подробный учет живого и мертвого инвентаря, технических заведений, собрать сведения по эксплуатации хозяйств в предыдущий дореволюционный период, а также необходимо было

составить подробный список используемых в хозяйствах наемных рабочих и служащих [2, Оп. 1. Д. 293. Л. 107–107 об.].

Значительная часть предпринимательских хозяйств, имевших нетрудовой характер или важное в культурном отношении значение, была национализирована и использована для создания совхозов. Так, к весне 1920 г. в Омской губернии было обследовано и взято на учет 257 крупных частновладельческих участков общей площадью 350 тыс. дес. Но из них были национализированы только 139 хозяйств, так как остальные являлись трудовыми или полутрудовыми, их владельцы по своему быту не отличались от крестьян, а само хозяйство велось преимущественно трудом самих владельцев. Поэтому они и не попадали под действие аграрного законодательства [3, с. 83; 4, Оп. 1. Д. 157. Л. 50–51].

В итоге, в Омской губернии на базе 75 национализированных предпринимательских хозяйств, в основном Омского и Петропавловского уездов, было создано 50 совхозов, что составляло 41 % от числа советских хозяйств всей Сибири [4, Оп. 1. Д. 157. Л. 50–51; 5, с. 85]. Из крупных сельских предпринимательских хозяйств, на основе которых были образованы совхозы, можно выделить ранее хорошо известные хозяйства И. М. Карзина, Т. Т. Подковырова, Ф. Ф. Штумфа, И. Ф. Лобачева, А. И. Даниленко, Г. И. и Я. И. Шварцев, Я. И. Романенко, Е. М. Красюкова, А. П. Бодылевского, В. Р. Штейнгеля и др. [6, с. 219–220].

В Томской губернии на ноябрь 1920 г. числилось 13 совхозов, под которые были отведены свободные и частновладельческие земли, а также земельные угодья, принадлежащие казне и общественным учреждениям. Из них только 4 совхоза были организованы на основе предпринимательских хозяйств Г. И. Фуксмана, Горохова, Чернышева, Диденко [7, Оп. 1. Д. 184. Л. 151, 165 об.; 4, Оп. 1. Д. 89. Л. 2–3 об.; Д. 101. Л. 2, 16–16 об.; Д. 233. Л. 14]. Отметим, что общей характерной чертой национализированных частновладельческих хозяйств Томской губернии было то, что они носили «любительский характер», так как «представляли из себя по преимуществу дачные места, при которых и было небольшого размера сельское хозяйство» [7, Оп. 1. Д. 184. Л. 151, 165 об.; 4, Оп. 1. Д. 89. Л. 2–3 об.; Д. 101. Л. 2, 16–16 об.; Д. 233. Л. 14]. Из всех частных хозяйств, учтенных в данной местности, по своей организации и значению выделялось бывшее имение Г. И. Фуксмана, где содержался племенной скот различных пород и был рассадник домашней птицы.

В кратком отчете о деятельности Сибземотдела за 1920 г. указывалось, что «вначале организация совхозов сводилась лишь к простому переименованию бывших частновладельческих имений в совхозы без внесения каких-либо существенных изменений в постановку хозяйства» и даже без смены существовавшего административного аппарата [7, Оп. 1. Д. 184. Л. 71].

Однако с началом полевых работ, когда выяснилось, что из-за недостатка рабочих рук, семенного зерна, необходимого сельскохозяйственного оборудования и инвентаря организовать хозяйственную деятельность всех совхозов не удастся, часть из них ликвидировали, передав землю, постройки, скот и инвентарь для создания колхозов или возвратив прежним владельцам [4, Оп. 1. Д. 83. Л. 9 об., 11 об., 20–22; Д. 157. Л. 144]. В результате, по данным В. И. Шишкина, например, количество совхозов

в Омской губернии сократилось до 41 к августу и до 36 к ноябрю 1920 г. [3, с. 84].

Неоднократные обследования бывших предпринимательских хозяйств разнообразными губернскими и областными комиссиями показали печальную картину хозяйственного состояния. Пройдя через маховик революции и Гражданской войны, многие имения утратили часть своего имущества, а некоторые представляли собой жалкие остатки бывшего экономического процветания. В архивных источниках говорится об уничтоженных постройках, угнанном скоте, потравленных посевах [2, Оп. 1. Д. 722. Л. 1-1 об.; Д. 731. Л. 54; Д. 746. Л. 26; Д. 748. Л. 5 об.; Д. 749. Л. 14; Д. 762. Л. 1-6 об.; Д. 811. Л. 1-7]. Более всего пострадали хозяйства, расположенные в непосредственной близости к Транссибирской железнодорожной магистрали, так как отступающие «колчакские» войска «угоняли за собой скот, расхищали имущество, особенно упряжной инвентарь и корма», а наступавшая Красная армия «вынуждена была из этих же хозяйств черпать свое продовольствие и фураж» [7, Оп. 1. Д. 184. Л. 71; 4, Оп. 1. Д. 78. Л. 3-3 об.; Д. 157. Л. 50 об.]. Уполномоченные Омского губземотдела по итогам обследования в начале 1920 г. докладывали, что «все частновладельческие хозяйства сильно пострадали при отступлении белых: произведен их полный разгром, некоторые имения превращены в пепел. Почти изо всех хозяйств уведены лошади, угнан скот, почти полностью уничтожено тонкорунное овцеводство» [8].

Аналогичная картина состояния бывших предпринимательских хозяйств была и в других районах Сибири. Так, в отчете Томского губернского управления совхозами отмечалось, что национализированные предпринимательские хозяйства «находились в состоянии полного разорения: все ценное имущество было распродано или увезено бывшими владельцами и отступающей белой армией, корма, продовольствие и инвентарь расхищены, постройки приведены в негодность... большинство хозяйств не имели ни лошадей, ни сбури, ни машин, ни фуража, ни рабочих рук» [4, Оп. 1. Д. 83. Л. 66]. Да и в делопроизводственных материалах Томского уездного управления за 1920 г. неоднократно встречаются указания на разграбление предпринимательских хозяйств, вывод породистых лошадей «при отступлении сибирских войск» [9, Оп. 1. Д. 83. Л. 81; Д. 90. Л. 14а-14б об.].

Национализации и преобразованию в совхозы были подвергнуты и средние по масштабам фермерские хозяйства Западной Сибири, которые в основном принадлежали немцам. Как правило, такие хозяйства были образованы путем покупки в частную собственность небольших по площади земельных участков и «по своей конструкции носили капиталистический характер». Так, уполномоченный Омского губернского управления советских хозяйств Калачев в декабре 1919 г. взял на учет хозяйства Р. Г. Шпехта (600 дес.), Г. Ф. Янцена (562 дес.), И. Ф. Матиса (337 дес.) и С. Дика (457 дес.). В своей хозяйственной деятельности владельцы пока еще были свободны, но обязаны «все продукты хозяйства сдавать в губпродком, получая квитанции» [10, с. 260–261].

В соответствии с положениями действующих директивных актов при национализации хозяйств происходила конфискация имущества. Определенную ценность представлял сельскохозяйственный инвентарь и машины, которыми многие предпринимательские хозяйства были хорошо оснащены, породистый скот и лошади, а также предприятия и оборудова-

ние для переработки сельскохозяйственной продукции, поэтому им в разнообразных инструкциях и уделялось основное внимание [11, Оп. 1. Д. 7. Л. 17-17 об.].

Выше мы уже писали, что в конце 1919 — начале 1920 г. многие предпринимательские хозяйства подверглись разгрому со стороны местного крестьянского населения, который в массовом порядке сопровождался перераспределением имущества — племенного скота, сельскохозяйственного оборудования, инвентаря и др. Сибирская деревня не спешила его возвращать даже под угрозой наказания по законам революционного времени, и все многочисленные призывы местных органов Советской власти в этом отношении имели отрицательный результат [7, Оп. 1. Д. 60а. Л. 98, 119; Д. 61. Л. 2-2 об.; 4, Оп. 1. Д. 157. Л. 174, 216]. Многие бывшие владельцы предпринимательских хозяйств ушли с «белыми», порой вместе с семьями. Имущество таких односельчан успели распределить между собой под видом борьбы с контрреволюцией местные жители, которые так же не хотели его возвращать по требованию власти. Брошенное имущество предполагалось использовать для компенсации материальных убытков сторонникам нового политического режима или в качестве материальной базы создания ряда колхозов и совхозов [12, с. 196].

Одной из задач аграрной политики советских земельных органов на местах было развитие «социалистического строительства» в разных его формах. Для координации деятельности в этом направлении существовали различные специальные органы, но в мае 1920 г. начал функционировать подотдел обобществления Сибземотдела, который и возглавил всю работу по социалистическому преобразованию в крае [3, с. 93]. В его задачу входило регистрация коллективных хозяйств, снабжение их семенами, машинами и другим необходимым инвентарем.

В течение 1920 г. подотделом совхозов и обобществления Омского губземотдела было зарегистрировано 184 сельскохозяйственных объединения, из них 77 коммун, 97 артелей и 10 товариществ. Наибольшее число коллективных хозяйств возникло в зерновых уездах Западной Сибири. Так, на Омский и Славгородский уезды приходилось 81,1 % всех коммун, 86,6 % артелей и 100 % товариществ [13, с. 22 — 23]. Объясняется это тем, что как раз в обозначенных уездах и были сосредоточены до революции крупные предпринимательские хозяйства.

В Омском уезде в начале 1920 г. артели и коммуны получили в свое распоряжение 36 частновладельческих хозяйств со всем имуществом [4, Оп. 1. Д. 157. Л. 51; Д. 416. Л. 63]. По подсчетам А. К. Касыяна, в 1920 г. 63,5 % всех коммун и 14,2 % артелей в Омской губернии были организованы на землях бывших частновладельческих, арендаторских и монастырских хозяйств [14, с. 16]. Так, коммуна «Украинская» была образована на участке, ранее принадлежавшем предпринимателю И. Я. Мамонтову, коммуна «Жизнь» — на землях М. А. Красильникова, коммуна «Сибирский коммунар» получила земли Г. Е. Грязнова [13, с. 23]. Аналогичные объединения возникли и в бывших предпринимательских хозяйствах Д. В. Фурмана, П. А. Липатникова, Н. Я. Смирнова, Г. В. Деркача, Л. Ф. Федорова, П. Букреева, И. Калинина, Высоцкого, Поспеева и др. [6, с. 224 — 225].

Огромную ценность для образованных совхозов и коллективных хозяйств имели знания, предприимчивость, умение организовать дело, опыт прежних владельцев. С учетом этого, а также из-за нехватки

кадров приоритет при назначении на должность временных управляющих принадлежал бывшим владельцам. Так, известные в регионе предприниматели Г. П. Телегин, Р. Г. Шпехт, К. И. Каллен, Л. Я. Шварц, Н. Я. Шварц, братья Ф. К. и В. К. Розвезевы, И. М. Карзин, Т. Т. Подковыров, Н. М. Хаймович, Ф. М. Саяпин, П. И. Косицын и др. в первые месяцы после национализации хозяйств временно исполняли обязанности управляющих [6, с. 225].

Но со временем региональные партийные организации принимали меры к «очищению совхозов от враждебных элементов и наведению в них большевистского порядка» [4, Оп. 1. Д. 157. Л. 173 об.-174, 216 об.; Д. 197. Л. 13 об.]. Так, 10 сентября 1920 г. по этому вопросу на заседании Омского губбюро РКП(б) был заслушан доклад Дьякова. В результате обсуждения проблемы Губбюро предложило Губземотделу: «В срочном порядке заменить лиц, стоящих во главе совхозов, из помещиков и контрреволюционеров работниками, выдвинутыми ячейками» [13, с. 21]. В письме заведующего Омским губуправлением советских хозяйств А. Гудовича Тарскому уездному отделу также указывалось, что «оставлять прежних владельцев управляющими недопустимо» [2, Оп. 1. Д. 293. Л. 107].

В итоге, по мере подготовки советскими органами профессиональных управленческих кадров, бывшие владельцы увольнялись с занимаемых должностей. Правда, некоторые бывшие предприниматели, в силу своего опыта и профессионализма, все же продолжили работать в новой системе управления. Например, Р. Г. Шпехт, который не смог остаться в своем хозяйстве, был назначен управляющим Кокчетавского конного завода, Е. И. Хаймович работал в отделении животноводства Губземотдела на должности омского уездного специалиста, Т. Т. Подковыров и Т. И. Колмаков являлись специалистами того же отделения, но по овцеводству [6, с. 227].

Советская власть, встав на путь ликвидации предпринимательских хозяйств в условиях революции и Гражданской войны, исходила из того, что на их базе следует создать мощный сектор коллективных предприятий, которые бы имели культурно-показательное значение в области земледелия и животноводства. Но если бывшие частновладельческие хозяйства предпринимательского типа в предшествующие два десятилетия были высокотоварными и многие из них являлись центрами аграрной культуры, то коллективные хозяйства в изучаемый период имели скромные показатели [15, с. 114 — 115]. Советскими земельными органами прежняя система производственных отношений была фактически уничтожена, а новая создавалась очень медленно и с большими трудностями. На этот факт неоднократно обращали внимание и современники колхозно-совхозного движения [4, Оп. 1. Д. 78. Л. 38; Д. 83. Л. 27; 7, Оп. 1. Д. 417. Л. 254 об., Л. 255]. Так, в докладе заведующего подотделом обобществления советских хозяйств Сибземотдела в 1920 г. указывалось: «Советские хозяйства Сибири, стоящие по программе на почетном месте в схеме хозяйственного строительства, ставящие себе задачи не только сельскохозяйственного производства, но и культурно-показательных баз и очагов, в настоящее время впадают в жалкое существование, приближаясь быстрыми и верными шагами к распаду и многие, может быть, к гибели» [4, Оп. 1. Д. 78. Л. 38; Д. 83. Л. 27; 7, Оп. 1. Д. 417. Л. 254 об., Л. 255]. Более того, в 1921 г. известный специалист и теоретик аграрной политики Советской власти В. Н. Соколов, ставший к этому

времени заведующим Сибземаделом, констатировал, что совхозы Сибири «совершенно не использовали того, что они имели, и не сделали того, что могли сделать». За год своего существования, считал В. Н. Соколов, они оказались «в значительно худшем состоянии, чем были раньше» [4, Оп. 1. Д. 78. Л. 38; Д. 83. Л. 27; 7, Оп. 1. Д. 417. Л. 254 об., Л. 255].

Следует отметить, что различные ревизии и проверки деятельности хозяйств колхозно-совхозного сектора в Западной Сибири констатировали, что «окружающее население настроено враждебно и разными способами тормозит работу последних» [4, Оп. 1. Д. 157. Л. 173 об.-174, 216 об.; Д. 197. Л. 13 об.]. При этом контрольные органы РКП(б) выявили многочисленные факты расхищения имущества колхозов и совхозов, а также сдачу ими в аренду земли и инвентаря, за что фактически и были лишены своих хозяйств сельские предприниматели в 1919–1920 гг. [15, с. 114]. Кроме того, очень часто организация коллективных хозяйств и совхозов являлась лишь предлогом, чтобы завладеть инвентарем, скотом или землей бывших частновладельческих хозяйств.

В нашем распоряжении есть масса архивных документов, которые говорят о том, что образованные в начале 1920-х гг. на базе предпринимательских хозяйств совхозы и колхозы из-за «организационно-хозяйственной слабости» практически не использовали собственный потенциал как в области производства сельскохозяйственной продукции, так и в области агрокультурного влияния на местное население [2, Оп. 1. Д. 1735. Л. 1–8]. На это обстоятельство неоднократно указывалось в материалах работы Особых контрольных комиссий по Омской губернии, специально созданных в 1924 г. по распоряжению Народного комиссариата земледелия с целью выяснения характера и результата деятельности советских хозяйств. В частности, в делопроизводственных материалах комиссии при рассмотрении истории организации и хозяйственной деятельности советских хозяйств в регионе постоянно подчеркивается, что то или иное хозяйство «в прежнее время велось лучше», «совхоз ничего не дает населению, сравнительно с прежним владельцем» и т. д. [2, Оп. 1. Д. 659. Л. 1-1 об., 2-3 об., 5-8, 11-11 об., 20, 31-32 об., 40-40 об., 54-57 об., 60 об., 71-73, 76-78 об.].

Таким образом, национализация земли, конфискация усовершенствованных машин и орудий, живого инвентаря, разграбление предпринимательских хозяйств войсками и местным населением в изучаемый период резко ослабили позиции сельских предпринимателей в Западной Сибири. Более того, социально-экономические мероприятия советской власти в конце 1919–1920 г., сопровождаясь целым комплексом деструктивных воздействий на сельский социум, привели к исчезновению частной инициативы и уничтожению предприимчивости. В новых условиях многолетний опыт и хозяйственный потенциал

предпринимателей оказались невостребованными. Советская власть, разрушив прежнюю систему производственных отношений, отраслевую мобильность и специализацию, использовала бывшие предпринимательские хозяйства для образования коллективных и государственных хозяйств. Этот процесс приобрел массовый характер и привел в начале 1920-х гг. к ликвидации сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири.

Библиографический список

1. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 : сб. докум. и материалов. – Новосибирск, 1959. – 657 с.
2. Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. Р-209.
3. Шишкин, В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.) / В. И. Шишкин. – Новосибирск, 1985. – 320 с.
4. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-13.
5. Касьян, А. К. Борьба трудящихся Омской губернии за ликвидацию последствий колчаковщины в сельском хозяйстве (конец 1919–1920 гг.) / А. К. Касьян // Из истории Западной Сибири и Омской области. – Омск, 1963. – С. 71–92.
6. Кротт, И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы) : моногр. / И. И. Кротт. – Омск : ОмГПУ, 2010. – 336 с.
7. ГАНО. Ф. Р-1.
8. Антошин, Ю. Г. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки / Ю. Г. Антошин, В. Т. Анисков. – Новосибирск, 1971. – С. 29.
9. Государственный архив Томской области. Ф. Р-200.
10. Вибе, П. П. Национализация немецких предпринимательских хозяйств Сибири в 1919–1920 гг. / П. П. Вибе // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. – Омск, 2006. – Ч. 1. – С. 259–261.
11. ГИАОО. Ф. Р-1111.
12. Рынков, В. М. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильиных. – Новосибирск, 2013. – 244 с.
13. Касьян, А. К. Социально-экономическое развитие деревни Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919–1928 гг.) / А. К. Касьян. – Омск, 1976. – 108 с.
14. Касьян, А. К. Первые шаги колхозного строительства в Омской деревне / А. К. Касьян. – Омск, 1958. – 52 с.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: ivkrott@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2014 г.

© И. И. Кротт

К ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ ПОГОН И ЗНАКОВ РАЗЛИЧИЯ В АРМИИ РОССИИ (1732—2014 гг.). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1732—1941 гг.)

В статье кратко отражена история введения погон и знаков различия в армии России. Указанные обязательные элементы формы одежды военнослужащих служат для определения воинского звания, принадлежности к виду или роду вооруженных сил, отдельной части или подразделению.

Ключевые слова: погоны и знаки различия военнослужащих, форма одежды.

История армии России представляет интерес, прежде всего, как часть жизни российского государства, дел его народа, великих в счастье и в несчастье. По свидетельству многочисленных источников, именно русская армия превратила патриархальную Русь в великую Российскую империю.

Военная форма одежды, как составляющая военного дела, — неотъемлемая и существенная часть материальной культуры общества, так как в ней отражаются и тесно переплетаются передовые достижения науки и техники, а также социальные, национальные, экономические и политические доктрины.

Для решения вопросов единоначалия, на военной форме размещаются знаки различия, которые не представляют собой стабильных, застывших форм, они складывались исторически на протяжении столетий, изменяясь на всем пути существования армии России. На процесс развития знаков различия оказывали влияние социальная структура общества, уровень развития военного дела, техники и производства, а также многообразные взаимосвязи и взаимовлияния различных народов — соседних или отдаленных. Все это находило свое отражение в знаках различия военнослужащих.

Таким образом, знаки различия военнослужащих являются важным аспектом изучения как истории армии, так и истории России.

В русской армии погоны впервые были введены в 1732 году. Погон представлял собой шерстяную накладку, нашивавшуюся только на левое плечо кафтана. Первоначальное прикладное значение погон — удерживать от сползания португеею, перевязь (ремень) патронной сумки, лямки ранца, предохранять мундир от потёртостей от ружья в положении «на плечо». Погон в этом случае мог быть только один — слева (патронная сумка носилась на правом боку, ружьё — на левом плече). Моряки патронную сумку не носили, и именно по этой причине в большинстве флотов мира погоны не употребляются, а должность или ранг обозначается нашивками на рукаве.

Первоначально по предложению специальной военной комиссии, занимавшейся вопросами улучшения оснащения русской армии, погоны были введены

для полков полевой пехоты [1, с. 115—116]. Каждый из них имел свой цвет погон. Почти сто лет, до 1827 года, погоны являлись знаками, указывавшими прежде всего на принадлежность воина к тому или иному полку или части. В то время погоны, а впоследствии и эполеты еще не определяли воинское звание и служебное положение военнослужащих.

В 1741 году военнослужащим лейб-компаний¹, несшим службу при царском дворе, ввели эполеты из витого золотого шнура [2, с. 75]. Носились они на обоих плечах и служили украшением мундира, а также указывали на принадлежность воина к придворной войсковой части. Впоследствии эполеты на длительный период стали основными наплечными знаками различия для офицеров и генералов.

При кратковременном пребывании на престоле Петра III (первая половина 1762 г.) произошли значительные изменения в одежде русских войск [2, с. 99—101]. За образец была взята военная форма прусской армии. Это целиком относилось и к погонам. Солдаты и офицеры мушкетерских и гвардейских пехотных полков, а также гренадерских батальонов вместо шерстяной наплечной накладки стали носить аксельбанты² сложного плетения и формы длиной 3/4 аршина (старая русская мера длины 71,12 см). Аксельбант крепился только к правому плечу кафтана. Он тянулся от воротника до локтя и являлся украшением, создававшим некоторые неудобства при движении. Вскоре аксельбанты стали постепенно заменяться погонами, напоминающими эполеты. Они носились на левом плече и состояли из наплечной тесьмы, обручика (пластинки) на краю плеча и небольшой кисти, свисавшей на рукав. Солдатские и офицерские погоны одного и того же полка имели одинаковую форму, с той лишь разницей, что на последних вышивались более сложные узоры³.

В 80-х гг. XVIII века разноцветные погоны вводятся в егерских корпусах, кавалерийских полках и артиллерии [3, с. 50, 73, 85, 96, 101]. В некоторых полках (главным образом — кирасирских) солдаты и офицеры носили одновременно аксельбанты на правом, а погоны — на левом плече.

Форма, размер, цвет и правила ношения погон для каждого из полков определялись их почетными

шефами и иногда самими командирами полков, которые видели в погонах дополнительное средство украшения мундира. Как следствие, для создания погон использовались дорогие материалы, вышивка, кисти, а сами они нередко имели весьма замысловатую форму.

Большие изменения в обмундировании русских войск произошли в период с 1802 по 1807 год. Установился тип мундира, просуществовавший почти без изменений около полувека. В то же время вводятся для солдат и унтер-офицеров погоны, а для офицеров и генералов — эполеты, почти не изменявшиеся до Первой мировой войны.

В начале 1802 г. были утверждены единообразные по форме погоны для гренадерских⁴, мушкетерских и гвардейских пехотных полков, пешей артиллерии, саперных и некоторых других частей [4, с. 196 – 205, 229 – 249, 257]. В этих войсках простые суконные погоны носились на обоих плечах мундира и шинели. У рукава погон пришивался к мундиру (шинели), а у воротника крепился на пуговицу. Каждый полк имел свой цвет погон, устанавливавшийся военным ведомством. Офицерский погон отличался от солдатского тем, что его поле или только края покрывались галуном золотого или серебряного цвета.

В 1807 г. для генералов и офицеров вводят эполеты, которые являлись наиболее ярким знаком, отличавшим их от остальной массы военнослужащих [4, с. 209]. На погонах и эполетах стали нашиваться номера дивизий (полков), бригад или заглавные буквы наименований частей, а также различного рода вензеля⁵, присвоенные тому или иному войсковому формированию. В это же время вводятся погоны для солдат и унтер-офицеров того образца, который принят и в настоящее время [5, с. 27].

Накануне Отечественной войны 1812 г. ношение погон в регулярных войсках стало правилом. Исключение составляли уланы и гусары. Они носили эполеты, а также желтые или белые жгуты, специально установленные для уланских и гусарских полков.

Хотя погоны и эполеты стали важнейшей и неотъемлемой частью военного мундира, они еще не являлись знаками различия в современном понимании, а только указывали на принадлежность воина к тому или иному полку или категории военнослужащих.

Воинские звания по-прежнему определялись по различного рода вышивкам на мундирах или специальному офицерскому знаку⁶. Так, в 1808 г. ранее установленные офицерские знаки, вдвое уменьшенные в размере, были присвоены: прапорщикам — сплошь серебряные; подпоручикам — серебряные с золотым ободком; поручикам — серебряные с золотым орлом; капитанам — золотые с серебряным орлом и т.д. [4, с. 212].

В январе 1827 г. на офицерских эполетах появились кованые звездочки (на золотых эполетах — серебряные, а на серебряных — золотые): у прапорщиков — по одной; у подпоручиков, майоров и генерал-майоров — по две; у поручиков, подполковников и генерал-лейтенантов — по три; у штабс-капитанов — по четыре. Капитанам, полковникам и полные генералы носили эполеты без звездочек [6, с. 176]. С этого времени по эполетам можно было четко определить служебное положение офицеров и их подчиненность.

В 1843 г. с целью различия нижних чинов были установлены нашивки на погонах: для фельдфебелей широкий поперечный золотистый галуз в верхней части погона; отделенных унтер-офицеров — три узкие поперечные полоски из белого шерстяного

басона; для прочих унтер-офицеров — две и ефрейторов — одна поперечные нашивки из такого же материала, как и у отделенных унтер-офицеров [7, с. 186 – 187].

В 1854 г. погоны вводятся для генералов и офицеров, которые носили их только на походных шинелях солдатского образца, а с 1855 г. — на специальных походных офицерских плащах, изготовлявшихся из сукна. Поле генеральского погона сплошь покрывалось галуном с узором в виде спирали во всю его длину. Погоны офицеров тоже покрывались галуном, но штаб-офицерские имели два, а обер-офицерские один просвет по середине погона во всю его длину. В нижней части погон симметрично крепились пятиконечные звездочки в соответствии с порядком, установленным в 1827 г. для их ношения на эполетах. Постепенно погоны вытесняют все другие наплечные знаки различия (далее з. р.) (табл. 1).

В восьмидесятые годы XIX в. погоны носили все лица, состоявшие на действительной военной службе (в том числе врачи, чиновники, учащиеся военно-учебных заведений), казачество, ополченческие формирования, а также офицеры запаса. Эполеты оставались только на офицерских и генеральских парадных мундирах. Установлен был и единый тип погон для юнкеров и кадетов. Поле юнкерского (кадетского) погона обрамлялось по длине и в верхней части золотым (серебряным) галуном. В средней части погона вышивался вензель (если он был присвоен) или заглавная буква названия училища, или то и другое. Каждое училище (кадетский корпус) имело свой цвет погон.

Таким образом, к середине XIX в. з. р. четко разграничивали военнослужащих на категории, определяли подчиненность и принадлежность к тому или иному войсковому формированию. Следует отметить, что стандартизация погон и з. р. на них для каждой из категорий военнослужащих являлась составной частью реформ (50-х и 80-х гг. XIX столетия) по рационализации военной формы, направленной на изжитие большого ее разнообразия и парадного блеска. Изменение способов боевых действий, вызванных внедрением нарезного оружия, определили стремление сделать военную форму простой и удобной для боя. Поэтому парадные варианты формы стали терять свое самодовлеющее значение. Обмундирование постепенно освобождалось от совершенно бесполезных, с практической точки зрения, декоративных украшений. Этого требовал и такой фактор, как увеличение расходов на обмундирование и снаряжение, определявшееся появлением массовых армий и сокращением сроков службы.

Во второй половине XIX в. водится тот образец простого однобортного и двубортного мундира, который дошел до наших дней. Появляются удобная шинель, солдатские полотняные рубашки (так называемые «гимнастические», откуда и произошло слово «гимнастерка»). Все больше распространяются фуражки, каски. Богатое шитье на мундирах и другие регалии заменяются более простыми (галунными, суконными петлицами, кокардами и т.д.).

В 1881 г. во всей кавалерии у нижних чинов эполеты заменены на погоны. В гвардии погоны были введены красные, в стрелковых батальонах — малиновые без вензелей, шифровки и номера. В гренадерских полках — желтые с вензелями шефов или начальной буквой (литерой) названия полков. В армейской пехоте: в полках первой бригады — красные, второй — синие с номерами или вензелями шефов, в стрелковых полках и батальонах — светло-синие,

Таблица 1

Погоны Русской императорской армии (в 80-х годах XIX в.)

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.

1. Рядовой; 2. Ефрейтор; 3. Младший унтер-офицер; 4. Старший унтер-офицер; 5. Фельдфебель; 6. Подпрапорщик; 7. Подпрапорщик на должности фельдфебеля; 8. Зауряд-прапорщик; 9. Прапорщик; 10. Подпоручик; 11. Поручик; 12. Штабс-капитан; 13. Капитан; 14. Майор; 15. Подполковник; 16. Полковник; 17. Генерал-майор; 18. Генерал-лейтенант; 19. Генерал; 20. Генерал-фельдмаршал.

Таблица 2

Нарукавные знаки различия РККА

<p>Нарукавные знаки различия командного состава РККА, введенные 16 января 1919 г.</p>		<p>1. Отделенный командир; 2. Помощник командира взвода; 3. Старшина; 4. Командир взвода; 5. Командир роты; 6. Командир батальона; 7. Командир полка; 8. Командир бригады; 9. Начальник дивизии; 10. Командующий армией; 11. Командующий фронтом.</p>
<p>Нарукавные знаки различия командного состава РККА, введенные 31 января 1922 г.</p>		
<p>Пехота</p>	<p>Кавалерия</p>	<p>Артиллерия</p>
<p>Инженерные войска</p>	<p>Авиационные части</p>	<p>1 2 3</p>
<p>Нарукавные 3-р. родов войск Клапан</p> <p>Цвет поля клапана по роду войск. 1. Командир отделения (кавалерия — синий), 2. Командир батальона (дивизиона артиллерии — черный), 3. Командующий фронтом (красный). Остальные нарукавные знаки различия на клапане аналогичны знакам, показанным выше.</p>		

в крепостных полках и батальонах — черные с начальной буквой крепости, в резервных полках — красные. В казачьих войсках: Донском — синие с красной выпушкой, Кубанском — красные, Терском и Оренбургском — синие, Уральском — малиновые, Астраханском, Семиреченском, Сибирском и Забайкальском — желтые, Амурском и Уссурийском — зеленые с желтой выпушкой.

Опыт русско-японской войны вынудил провести новую реформу в области обмундирования войск, начавшуюся в 1906 г. и продолжавшуюся до самого начала Первой мировой войны [8]. Основные изменения заключались в дальнейшем упрощении покрова военной одежды и в изготовлении ее из дешевых тканей цвета хаки. Погоны, не претерпевшие по своей форме существенных перемен в сравнении

Знаки различия начальствующего состава РККА (1924 г.)

Группа начсостава	Категория	Наименование должностей			Знаки различия в сухопутных силах и ВВС на петлицах	Знаки различия в морских силах РККА на рукаве
		в сухопутной армии	в военно-воздушных силах	в морских силах		
Младший	1	Командир отделения	Моторист	Старшина, командир отделения	pp	
	2	Помощник командира взвода	Старший моторист	Главный старшина	ppp	
		Старшина	—	Старшина роты, Главный боцман	pppp	
Средний	3	Командир взвода	Командир взвода	Командир взвода	n	
	4	Пом. ком-ра роты, батареи, эскадрона	Младший летчик	Помощник вахтенного командира	nn	
	5	Командир и политрук роты, батареи, эскадрона	Старший летчик	Вахтенный командир, старший вахтенный ком-р	nnn	
	6	Командир и политрук отдельной роты, батареи, эскадрона	Командир авиазвена	Командир корабля 4-го ранга	nnnn	
Старший	7	Командир и военком батальона или дивизиона	Командир авиаотряда	Командир корабля 3-го ранга	r	
	8	Пом. ком-ра полка, Ком-р отдельного батальона или дивизиона	Командир отдельного авиаотряда	Помощник командира корабля 1-го ранга	rr	
	9	Командир и военком полка	Командир авиапарка	Командир корабля 2-го ранга	rrr	
Высший	10	Пом. командира дивизии, командир неотдельной бригады	Командир эскадрильи	Командир корабля 1-го ранга	.	
	11	Командир и военком дивизии	Командир авиабригады	Ком-р линейного корабля, Ком-р бригады кораблей 2-го ранга	..	
	12	Командир и военком корпуса	Помощник начальника ВВС РККА	Командир бригады кораблей 1-го ранга, Командующий флотилией	...	
	13	Командующий войсками военного округа, Члены РВС округа	Начальник ВВС РККА	Начальник военно-морских сил РККА, Командующий морскими силами моря	....	

с концом прошедшего столетия, тоже стали производиться из более простых материалов. Вышивки на полях погон заменяются надписями, делавшимися масляными красками с помощью трафаретов.

Широко распространяется ношение на погонах простых штампованных эмблем: артиллерийских — в виде двух скрещенных орудийных стволов; саперных — накрест расположенных лопаты и кирки; телеграфных рот — скрещенных молний и т.д. В годы Первой мировой войны для офицеров с целью скрыть их в общей массе военнослужащих вводятся погоны защитного цвета.

После Октябрьской революции Советское правительство отказалось от военной формы царской армии, существовавших в ней з. р. и званий. 18 декабря 1918 г. революционный военный совет республики (далее РВСР) утвердил нарукавные з. р. для командного состава (красные суконные треугольники для младшего, квадраты для среднего и старшего и ромбы для высшего) и з. р. родов войск (петлицы различных цветов в виде параллелограмма). 16 января 1919 г. РВСР ввел утвержденные образцы нарукавных з. р. комсостава и расцветку петлиц. Нарукавные з. р. выкраивались из алого сукна и нашивались на левый

Знаки различия			
для командного состава сухопутных и воздушных сил РККА		для военно-политического состава сухопутных и воздушных сил РККА	
Военные звания	Знаки различия на петлицах	Военные звания	Знаки различия и петлицы те же, но без галунных нашивок и без эмблем рода войск
Лейтенант	Два квадрата		
Старший лейтенант	Три квадрата	Политрук	Три квадрата
Капитан	Один прямоугольник	Старший политрук	Один прямоугольник
Майор	Два прямоугольника	Батальонный комиссар	Два прямоугольника
Полковник	Три прямоугольника	Полковой комиссар	Три прямоугольника
Комбриг	Один ромб	Бригадный комиссар	Один ромб
Комдив	Два ромба	Дивизионный комиссар	Два ромба
Комкор	Три ромба	Корпусный комиссар	Три ромба
Командарм 2-го ранга	Четыре ромба	Армейский комиссар 2-го ранга	Четыре ромба
Командарм 1-го ранга	Четыре ромба и металлическая красная звезда на внешней стороне петлиц	Армейский комиссар 1-го ранга	Четыре ромба и металлическая красная звезда на внешней стороне петлиц
Для командного и начальствующего состава морских сил РККА			
Военные звания	Знаки различия на рукавах	Военные звания	Знаки различия на рукавах
Лейтенант Воентехник 2-го ранга Техник-интендант 2-го ранга Военфельдшер Младший военный юрист	Один средний галун	Капитан 1-го ранга Бригадный комиссар Инженер-флагман 3-го ранга Бригинтендант Бригврач Бригвоенюрист	Один широкий галун
Старший лейтенант Политрук Воентехник 1-го ранга Техник-интендант 1-го ранга Старший военфельдшер Военный юрист	Один средний галун и один узкий галун	Флагман 2-го ранга Дивизионный комиссар Инженер-флагман 2-го ранга Дивинтендант Дивврач Диввоенюрист	Один широкий и один средний галун
Капитан-лейтенант Старший политрук Военинженер 3-го ранга Интендант 3-го ранга Военврач 3-го ранга Военный юрист 3-го ранга	Два средних галуна	Флагман 1-го ранга Корпусный комиссар Инженер-флагман 1-го ранга Коринтендант Корврач Корвоенюрист	Один широкий и два средних галуна
Капитан 3-го ранга Батальонный комиссар Военинженер 2-го ранга Интендант 2-го ранга Военврач 2-го ранга Военный юрист 2-го ранга	Три средних галуна	Флагман флота 2-го ранга Армейский комиссар 2-го ранга Инженер-флагман флота Арминтендант Армврач Армвоенюрист	Один широкий и три средних галуна
Капитан 2-го ранга Полковой комиссар Военинженер 1-го ранга Интендант 1-го ранга Военврач 1-го ранга Военный юрист 1-го ранга	Четыре средних галуна	Флагман флота 1-го ранга Армейский комиссар 1-го ранга	Два широких и три средних галуна

Утверждено Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР 22 сентября 1935 г. № 19/2135.СЗ СССР. 1935 г. № 57. Ст. 469

рукав над обшлагом. Нашивки состояли из правильной пятиконечной звезды, под которой горизонтально располагались знаки должностного положения. Устанавливаются новые образцы петлиц по родам войск: оранжевые — для артиллерии, черные — для инженерных войск, голубые — для воздушных сил (табл. 2).

В апреле 1920 г. для личного состава Красной армии вводятся нарукавные з. р. родов войск. Эти знаки изготавливаются из сукна и вышиваются цветным шелком. Знаки размещаются на левом рукаве

рубахи, кафтана посередине между плечом и локтем. Централизованного снабжения ими организовано не было. Части и военнослужащие заказывали знаки в частных мастерских. Знаки пехоты вышивались на сукне малинового, артиллерии — алого, кавалерии — синего, авиации — голубого, инженерных войск — черного цвета.

Приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г. для командиров Красной армии были установлены з. р., которые носились на рукавах. Это были вертикальные нарукавные нашивки, внешне похожие на по-

гоны. На нашивке, под красной звездой, крепились суконные треугольники (младший командный состав), квадраты (средний и старший) и ромбы (высший). Выше нашивки пришивалась эмблема рода войск.

В 1924 г., когда проводилась военная реформа, армия перешла на новую форму одежды, более упрощенную. Отменялись нагрудные клапаны и нарукавные з. р., на шинели и гимнастерке нашивались петлицы; в пехоте — из малинового сукна с черной окантовкой, в кавалерии — из синего сукна с черной окантовкой, в артиллерии — из черного сукна с красной окантовкой, в технических войсках — из черного сукна с синей окантовкой, в Военно-Воздушных силах — из голубого сукна с красной окантовкой, у административно-хозяйственного состава — темно-зеленые с красной окантовкой [5, с. 55]. На петлицах крепились металлические з. р., покрытые красной эмалью: для высшего командного состава — ромбы, старшего — прямоугольники, среднего — квадраты и младшего — треугольники. У красноармейцев на петлицах указывались номера полков (табл. 3) [9, с. 82].

С введением воинских званий (сентябрь 1935 г.), помимо эмалевых з. р. на петлицах (табл. 4), появляются красные нашивки на рукавах (в виде угла) — тонкие у среднего состава, более широкие — у старшего [10, с. 822–837]. Позже края нашивок покрываются тонкой галунной лентой. С введением новых воинских званий 5 августа 1937 г. и 1 сентября 1939 г. для них были установлены следующие з. р.: младший лейтенант и младший воентехник — 1 квадрат, младший политрук — 2 квадрата, подполковник и старший батальонный комиссар — 3 прямоугольника; полковник — 4 прямоугольника. С установлением в мае 1940 г. генеральских званий з. р. высшего командного состава, введенные в 1935 г., были отменены и вместо них введены новые. Генералы на кителях и шинелях носили ромбовидные петлицы, на которых крепились металлические звездочки: у генерал-майора — две, у генерал-лейтенанта — три, у генерал-полковника — четыре и у генерала-армии — пять; на рукавах (до генерал-полковника включительно) — вышитая малая звезда и один угольник из золотого галуна, внизу кант по роду войск; у генерала армии — вышитая большая золотая звезда, окаймленная красным кантом, и один угольник из золотого галуна. Маршалам Советского Союза на петлицах и на нарукавных знаках были установлены вышитые золотом 2 лавровые ветки и эмблема «серп и молот».

В ноябре 1940 г. были введены новые воинские звания для младшего начальствующего состава, а в январе 1941 г. для них были учреждены новые з. р. — петлицы цветом по роду войск (службы) с суконным кантом соответствующего цвета и красным продольным просветом. На петлицах размещались з. р. (эмалевые треугольники): у старшины — 4, у старшего сержанта — 3, сержанта — 2, младшего сержанта — 1.

С этими знаками различия Красная армия вступила в Великую Отечественную войну.

Примечания

¹ Лейб-компания — название присвоено указом 31 декабря 1741 г. грендерской роте Лейб-гвардии Преображенского полка за содействие, оказанное вступлению на престол императрице

Елизаветы Петровны, которая наградила лейб-компанцев поместьями, недворян возвела в потомственное дворянство, присвоила им особую форму одежды и сама приняла звание капитана Лейб-компания.

² Аксельбант — наплечное украшение из золотого или серебряного шнура у офицеров и плетеного нитяного шнура у рядовых, в виде двух петель и двух концов с заостренными металлическими наконечниками.

³ Так как офицерские погоны не позволяли определить чин, существовал специальный офицерский знак, учрежденный еще Петром I. Он имел вид округленного небольшого щита, носился на груди с помощью специальной ленты.

⁴ 30 апреля 1802 г. в таблице мундирным, амуничным и оружейным вещам грендерских полков был определен размер погона — длина $3\frac{1}{4}$; ширина у плеча — 1; ширина у пуговицы — $\frac{3}{4}$ вершка (Вершок = 4,445 см).

⁵ Вензель — инициалы имени монархов или иных царствующих фамилий, помещавшиеся на знаках и разных предметах обмундирования и снаряжения: погонах, эполетах, кокардах, лягушках, ташках и вальтрапах. Соответствующие Вензели были присвоены полкам, шефами которых состояли сам император, императрица, другие члены царской семьи.

⁶ В 1812 году для различия чинов штаб- и обер-офицеров, служивших в пехоте, артиллерии и пионерных полках, находившихся в употреблении знаки образца 1808 года: серповидной формы, с двойным выпуклым ободком и двуглавым орлом, увенчанным короной. Изготавливались знаки из тонкой листовой латуни с серебрением и золочением ободка, орла и поля знака, в зависимости от чина.

Библиографический список

1. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 ч. Ч. 2. — 2-е изд. — СПб., 1899. — 293 с.
2. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 ч. Ч. 3. — 2-е изд. — СПб., 1899. — 493 с.
3. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 ч. Ч. 4. — СПб., 1899. — 226 с.
4. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 ч. Ч. 10. — СПб., 1900. — 396 с.
5. Раков Л. Русская военная форма. Очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы» / Л. Раков. — Л.: Воениздат, 1946. — 97 с.
6. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 ч. Ч. 12. — СПб., 1900. — 206 с.
7. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 ч. Ч. 19. — СПб., 1902. — 348 с.
8. Правила о форме одежды генералов, штаб- и обер-офицеров. — Петербург, 1910. — 97 с.
9. Шмидт, О. Ю. // БСЭ. — М., 1933. — Т. 27. — 959 с.
10. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. — М.: Полиграфкнига. — 1935. — 23 ноября. — № 57. — 1033 с.

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Учебного военного центра, институт военно-технического образования Омского государственного технического университета.

Адрес для переписки: kutepviktor@mail.ru

АНКУШЕВА Ксения Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Адрес для переписки: ank-kseniya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2014 г.

© В. А. Кутепов, К. А. Анкушева

ОРГАНИЗАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ ОМИЧЕЙ В 1920-е ГОДЫ

В статье на основе анализа документов Исторического архива Омской области и периодической печати рассмотрены вопросы развития физической культуры и спорта в городе Омске в 1920-е годы.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, Всевобуч, Красная Сибирская Олимпиада.

В 20-е годы XX века основной тенденцией в развитии физической культуры и спорта в Советской России было воспитание бойца Красной армии. Решением этой задачи занимались органы Всеобщего военного обучения (Всевобуч), созданные в 1918 году. Лозунгом времени стали опубликованные в газете «Советская Сибирь» слова: «Превратить хилых и слабых в здоровых и сильных» [1]. Для реализации этой задачи велась активная пропаганда физической культуры и спорта во всех учреждениях г. Омска: на фабриках, заводах, в школах, на курсах допризывной подготовки, в частях Красной армии. Читались лекции, доклады, проводились беседы, устраивались показательные выступления, соревнования. Среди материалов Исторического архива Омской области обнаружен перечень лекций и докладов, с которыми работники Всевобуча выступали перед населением Омска: «Влияние физической культуры и гигиены на организм человека», «Спортивные ячейки и их назначение с научной точки зрения», «Необходимость врачебного контроля в деле физического воспитания и его значение» и др. [2].

На всех омских предприятиях создавались спортивные ячейки. Каждый «...трудолюбивый обязан заниматься спортом несколько свободных часов в неделю, заботясь о своём физическом развитии. Высокое умственное развитие и полное физическое совершенство — вот идеал трудящихся. Первое даёт книга, лекция, митинг, второе — спорт. И если занятия спортом нужны взрослым, то они вдвойне необходимы молодёжи» [1].

В ноябре 1919 года Омск был освобожден от колачовцев. Предстояло в кратчайший срок наладить в городе работу школ, культурно-просветительных учреждений, создать сеть рабочих клубов, приобщить к культурному строительству старую интеллигенцию, чтобы она, по ленинскому выражению, «слилась со всей борющейся массой». Но не хватало кадров.

12 января 1920 года Губернским отделом Социального обеспечения открыты курсы по дошкольному воспитанию. «Эти курсы должны подготовить работниц к работе в дошкольных учреждениях: в детских садах, детских домах, на площадках и в колониях. Посещаемость из записавшихся 90 человек — 50» [3]. К июню 1920 года в Омске было 5 детских садов на 250 человек, 12 детских площадок. В июле открылись вторые комплекты площадок. Каждую неделю устраивались собрания руководителей детских площадок для обсуждения докладов и выяснения методических и организационных воп-

росов. При военкоматах создавались спортивные площадки для допризывников.

В полуразрушенном, объётом тифозной эпидемией городе появились объявления об учете учителей, артистов, художников, спортсменов.

4 января 1920 года в газете «Советская Сибирь» сообщалось, что «Отдел Всеобщего военного обучения Омского губернского комиссариата по военным делам предлагает всем спортивным организациям, обществам физического развития и т.п. в трёхдневный срок зарегистрироваться». В марте 1920 года омский уездвоенкомат предложил в трёхдневный срок явиться в отделение Всевобуча всем лицам, имеющим специальное спортивное образование или окончившим ранее офицерские фехтовальные школы. «Явке подлежат также граждане обоего пола, состоявшие в учебных заведениях преподавателями гимнастики, имеющие многолетний опыт и практику по всем видам зимнего и летнего спорта, и члены всякого рода спортивных организаций: обществ, клубов, кружков и пр. Все учреждения и частные лица, имеющие спортивные и гимнастические приборы, немедленно должны были сообщить о наименовании и количестве их» [4].

В апреле 1919 года состоялся Всероссийский съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке. На нём рассматривались вопросы о подготовке физкультурных кадров, об уставе спортивных клубов, о постановке физического воспитания среди детей дошкольного, школьного и лиц допризывного возраста. Аналогичное мероприятие прошло в Омске.

5 февраля 1920 г. в губвоенкомат пришло сообщение о проведении в июле окружным управлением Всевобуча в г. Омске съезда работников по допризывной подготовке и спорту. Одновременно планировалось проведение Олимпиады¹, в которой должны принять участие лучшие спортсмены и лучшие команды губерний, входивших в состав Западно-Сибирского военного округа. Это значительно активизировало работу по физической культуре. В мае 1920 года в Омской губернии был принят декрет об обязательном обучении военному искусству, а 23 мая в Омске проходил день Всевобуча. Состоялся парад, и были устроены спортивные соревнования — бег, метание копья, шара, шеста и игра в футбол. По городу были расклеены плакаты о значении Всевобуча, его целях и роли спорта в оздоровлении трудящихся. Омская организация Российского Коммунистического Союза Молодёжи активно включилась в пропаганду физической культуры и военной под-

готовки. Организация РКСМ 2-го района ввела обязательное военное обучение для членов союза до 16 лет, для девушек — добровольное. Занятия шли три раза в неделю по 2 часа в день.

В июне 1920 г. Всевобучем губвоенкомата был организован омский спортклуб. При клубе имелись секции велосипеда, футбола, легкой и тяжелой атлетики, водного спорта. В распоряжении клуба находился ипподром. «Советская Сибирь» сообщала: «Устав спортклуба был выработан старым буржуазным правлением. Особая комиссия, выработанная новым общим собранием, поставит Устав на пролетарскую ногу... Участников более 200 человек, но, принимая во внимание населенность города Омска, это совсем ничтожный процент» [5]. Первый омский спортклуб был создан еще в 1915 г., возглавлял его Н. Н. Волков.

Спортклуб сразу же активно включился в работу по организации физической культуры в городе. С 27 июня была объявлена Неделя ребенка. В этот день на ипподроме состоялись два интернациональных матча между командами спортклуба. Играли немцы, венгры и русские. Спортклуб устроил катание на лодках — 40 рублей в час. Собранные деньги передали в комиссию по организации Дня ребенка.

В год проведения Игр VII Олимпиады в Антверпене (1920 г.) в Советской России, осуждавшей буржуазный спорт и призывавшей бойкотировать буржуазные Игры, были проведены Приуральская (Екатеринбург), Поволжская (Ярославль), Сибирская (Омск) и другие Олимпийские игры.

Накануне Сибирской Олимпиады было выпущено 5000 объявлений о предстоящем событии. Определено количество спортсменов по различным видам спорта и составлены именные списки участников соревнований. Из уездов поступали телеграммы: «В Акмолинском уезде спортсменов и желающих участвовать в Олимпиаде нет», «В Атбасаре спортсменов нет», «Тарское уездотделение может послать опытных 2 футболистов, 1 гимнаста, 1 тяжелоатлета» [6]. Перед Играми состоялись первенства города по тем видам спорта, которые вошли в программу соревнований. Органами Всевобуча были приобретены костюмы, инвентарь для соревнований, отведен барак для проживания иногородних спортсменов.

25 июля 1920 г. на Омском ипподроме состоялось открытие 1-й Красной Сибирской Олимпиады. Было устроено парадное шествие всех участников под звуки духового оркестра с развёрнутыми красными знамёнами. После исполнения «Интернационала» с приветственными речами выступили представители Всевобуча и военного комиссариата. Они говорили о великом значении спорта в жизни страны, о крупной роли, которую должна сыграть в спортивном развитии Сибири 1-я Сибирская Олимпиада и горячо приветствовали красный спорт. Вход на соревнования был бесплатным.

Сибирская Олимпиада продолжалась восемь дней. Зарегистрировались для участия в Олимпиаде 302 спортсмена из 14 городов Сибири: Омск, Ишим, Петропавловск, Томск, Барнаул, Ново-Николаевск, Иркутск, Тюмень, Семипалатинск, Красноярск и др., представлявших 7 губерний (Омская, Томская, Иркутская, Енисейская, Алтайская, Тобольская, Семипалатинская). Самыми многочисленными командами были омская и томская, в каждой из них выступало по 93 спортсмена. В состав томской команды вошла единственная на Олимпиаде женская спортивная группа из 9 человек, выступавшая в вольных гимнастических упражнениях с кольцами.

Персональный состав участников был очень пестрым. В основном это были представители Всевобуча, не имевшие соревновательной практики, но были и опытные спортсмены. Например, от Иркутской губернии выступал Вейберг, бывший военнопленный, участник Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме, в составе Омской команды был слесарь, представитель Всевобуча Евгений Поляков — чемпион Омска 1915 года в беге на коньках².

Все участники соревнований получали красноармейский паёк и варили кашу в ведрах на кострах.

В программу Сибирской Олимпиады вошли шесть видов спорта: велосипедные гонки, плавание, гимнастика, футбол, лёгкая и тяжёлая атлетика, причём в тяжёлую атлетику входили гири, борьба и показательные выступления по боксу. Самым многочисленным видом спорта по количеству дисциплин была лёгкая атлетика (по программе Олимпийских игр в Антверпене). В соревнованиях по лёгкой атлетике приняли участие 119 спортсменов; тяжёлая атлетика, борьба — 56; гимнастика: вольные упражнения — 20 мужчин, 9 женщин; на снарядах: турник — 8, брусся — 9, конь — 4; велосипедные гонки — 16; плавание — 15; футбол — 5 команд (Омск, Томск, Барнаул, Иркутск, Тюмень) — 70 человек [6]. Велосипедные гонки, соревнования по футболу, лёгкой атлетике, гимнастике проходили на ипподроме, по тяжёлой атлетике — в цирке, по плаванию — на станции яхт-клуба.

6 рекордов Сибирской Олимпиады установил спортсмен из Иркутска Вейберг (бег 60 м, 100 м, толкание ядра, десятиборье, прыжки с разбега в высоту, прыжки с шестом). Трёхкратными победителями стали Иванов из Красноярска (гимнастика) и Жемчужников из Томска (плавание). Поляков установил два рекорда в велосипедных гонках на 5 и 10 вёрст.

В последний день соревнований состоялось награждение победителей и был устроен грандиозный футбольный матч между сборной командой, составленной из всех участников футбольного турнира, и командой-победительницей из г. Барнаула. Для всех спортсменов устроили прощальный вечер.

Результаты 1-й Красной Сибирской Олимпиады можно оценивать по-разному. С одной стороны, спортивные результаты были скромнее, чем показанные на Играх VII Олимпиады в Антверпене. Например, в беге на 100 метров чемпионом Сибирской Олимпиады стал Вейберг с результатом 11,8 с, а результат, показанный в Антверпене, — 10,8 с. В барьерном беге на 110 м победителем Сибирской Олимпиады стал Григорьев из Семипалатинска с результатом 21,8 с, в Антверпене был показан результат 14,8 с. Чемпионом Сибирской Олимпиады по плаванию на 100 м «произвольным стилем» стал Жемчужников из Томска с результатом 2 мин 01 с, а в Антверпене аналогичную дистанцию проплыли за 1 мин. 01 с.

С другой стороны, Красная Сибирская Олимпиада была мощным толчком в развитии спортивного движения в Сибири. Учитывая сложнейшую ситуацию в России в 1920-е годы, можно сказать, что организация и проведение Сибирской Олимпиады было подвигом.

После проведения Сибирской Олимпиады спортивная жизнь Омска значительно оживилась. 12 сентября 1920 года на ипподроме прошли футбольные состязания между командами «Леший» (сельхозинститут, открыт в феврале 1918 г.) и «Спортклуб» (Всевобуч). «Праздничный день и великолепная солнечная погода привлекли на ипподром не мало зрителей. Игра была очень оживленной. После матча

тут же, на поле, была прочитана командированным из Петрограда т. Сысоевым лекция на тему «Значение понятий «сильный» и «здоровый» [7].

В то же время сохранялась огромная угроза Советской республике со стороны внутренней и внешней контрреволюции. 5 сентября 1920 года «Советская Сибирь» опубликовала передовицу «Работницы через Всеобуч — на Южный фронт» (борьба с Врангелем): «Первые отряды красных добровольцев влились уже в ряды нашей армии. Они не должны остаться последними. Трудящаяся женщина не может остаться равнодушной к той задаче, которая встала сейчас перед рабоче-крестьянской страной: отбросить руку, угрожающую голодом, уничтожить последние остатки белогвардейщины, дать отпор попытке мирового капитала стереть нас с лица земли. Теперь, когда отряды Всеобуча дают возможность женщинам организованно вливаться в ряды фронта, красные добровольцы не должны заставить себя ждать».

24 сентября 1920 года состоялся парад отрядов Всеобуча г. Омска. Парад принимал начальник Главного управления Всеобуча Н. И. Подвойский³. В тот же день вечером он выступил в «партийном доме» с речью «О значении Всеобуча как боевого резерва всемирной революции».

В октябре 1920 года состоялись первенства города по легкой атлетике, гимнастике, тяжёлой атлетике и борьбе. В ноябре началось строительство катков, лыжных станций, ледяных гор. Открылся кружок шахматистов. 20 ноября «Советская Сибирь» пригласила всех желающих «принять участие в лыжной вылазке (лыжи и костюмы будут выданы)».

В фондах Губвоенкомата хранится интересный документ — Рапорт от 9.03.1922 г. «Настоящим Губчастью доносит, что во исполнение вашего предписания от 6.03 за № 6, 19 июля с.г. сконструирован Олимпийский комитет в губернском масштабе, в состав которого вошли: Председателем — Начгубчасти П. Коченков, Секретарём Начгуботдспорта тов. Еясин и членами: Егоров и Митин, представители от Омрайвоенспортцентра и представитель от Губздрава врач Соколов. К упомянутому в рапорте заданию по проведению Губсостязаний Олимпкомитетом приступлено». Рапорт был подписан помгубвоенкомом (подпись неразборчива) и начгубчасти Коченковым [8]. К сожалению, самого предписания обнаружить не удалось. Документ интересен не только словесными оборотами, характеризующими эпоху, но, главное, тем, что отрыв от мирового олимпийского движения был скорее формального характера. Советская Россия разделяла идеи П. де Кубертена, создавала олимпийскую структуру в стране⁴.

Таким образом, несмотря на то что Советская Россия оказалась отрезанной от мирового спортивного и олимпийского движения и советские спортсмены не выступали на Олимпийских играх в Антверпене в 1920 году, страна упорно боролась за развитие физической культуры и спорта, за оздоровление населения, за организацию физической культуры среди детей и допризывной молодежи.

Проведение Красной Сибирской Олимпиады свидетельствовало о росте популярности и жизнеспособности спорта в Советской России. В Сибирь в 1920-е годы пришли олимпийская терминология, олимпийские виды спорта, олимпийские традиции: торжественное открытие и закрытие соревнований⁵, награждение победителей. Участники Сибирской Олимпиады понесли идеи олимпийских соревнований в отдалённые уголки Сибирского региона.

Примечания

¹ Согласно приказу Олимпийского комитета России № 53 от 18 июня 2010 года «О мерах по соблюдению в ОКР терминологии, соответствующей Олимпийской хартии» «...не использовать для обозначения Олимпийских игр как всемирного комплексного спортивного мероприятия отдельное слово «олимпиада», означающее, согласно Олимпийской хартии, период времени, состоящий из четырех последовательных календарных лет; не использовать отдельное слово «олимпиада» для обозначения конкретных Олимпийских игр как по летним, так и по зимним видам спорта...». В тексте статьи мы употребили термины Олимпиада, Сибирская Олимпиада, Сибирская Красная Олимпиада исходя из их понимания в Советской России в 1920-е годы, как соревнования по различным видам спорта и исходя из их употреблений в документах того времени.

² Впоследствии Е. Поляков становится чемпионом Сибири по велосипедному спорту (1923 г.), устанавливает рекорд Омска в беге на коньках на 1500 м (1923 г.), рекорд Сибири на дистанции 10000 м (1934 г.). С 1934 года в Омске проводились соревнования на приз Полякова. Эти старты стали традиционными, ими открывали зимний спортивный сезон, и проводились они вплоть до начала Великой Отечественной войны.

³ Николай Ильич Подвойский (1880—1948) — участник штурма Зимнего дворца, народный комиссар по военным делам. С 1919 г. начальник Главного управления Всеобуч, председатель Высшего совета физической культуры, созданного как общественный орган при Всеобуче. С 1921 г. — председатель Красного спортивного интернационала.

⁴ В 1911 году в Российской империи был создан Российский олимпийский комитет (РОК). После революции Международный олимпийский комитет (МОК) поддерживает отношения с российскими деятелями, находившимися в эмиграции. Так, князь Л.В. Урусов (член МОК с 1910 по 1933 гг.) в 1923 году на заседании МОК в Риме предложил участвовать на Олимпийских играх двум командам: советской команде и команде эмигрантских спортивных обществ. Ему было отказано. Несмотря на разрыв Советской России с международным олимпийским движением и бойкотом со стороны МОК, П. де Кубертен следил за развитием спорта в советской стране. В Мемуарах он писал: «... Кроме «капиталистической организации», уже функционирует «организация пролетарская». «Рабочие олимпиады» проходят регулярно и, надо сказать, не безуспешно. В момент, когда я пишу эти строки, в Москве строится крупнейший стадион, где пройдут очередные Игры. В России хотят переименовать Игры, что станет жалкой глупостью и лишь подчеркнёт часто встречающуюся черту у революционного движения: в то время как есть столько институтов, требующих обновления, они ограничиваются лишь сменой наименований — слова вместо дел. Как бы то ни было распространение спорта среди работников физического труда — это неоспоримый залог развития олимпийского движения, причём независимо от исхода дуэли за обладание властью во всем мире, начатой между двумя противоположными формами социального устройства» [9, с. 148].

⁵ Надо не забывать, что в Омске и до Октябрьской революции знали об Олимпийских играх. В Омске жил участник Олимпийских игр 1912 г. в Стокгольме А. А. Подкорытов. В Омск с инспекторской проверкой в кадетский корпус приезжал член МОК первого состава (1894) А. Д. Буговский.

Библиографический список

1. Всеобуч и комсомол // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 5 октября.
2. ГИАОО. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 194.
3. Курсы по дошкольному воспитанию // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 24 февраля.
4. Регистрация спортсменов // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 27 марта.

5. Спортклуб // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 22 июня.
6. ГИАОО. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 108.
7. Спорт // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 23 сентября.
8. ГИАОО. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 130.
9. Куберген, П. Олимпийские мемуары : пер. с фр. / Пьер де Куберген. — М. : Рид Групп, 2011. — 176 с.

ЛАГУТИНА Марина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории методологии и истории физической культуры и спорта.

Адрес для переписки: lagutinmar@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2014 г.

© М. Д. Лагутина

УДК 947.086/088

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный
технический университет

«РАБОТА НАД ОШИБКАМИ»: СТРАНИЦА ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена рассмотрению организационных аспектов преодоления лысенковщины в Западно-Сибирском регионе: укреплению связей отраслевой аграрной науки и фундаментальных наук, совершенствованию методики опытной деятельности, изменению структуры сети научных учреждений в области сельского хозяйства, формированию новых подходов в области внедрения.

Ключевые слова: аграрная наука, сельскохозяйственное производство, внедрение, Западная Сибирь, СССР.

В современных условиях особую актуальность приобретает научно-производственная интеграция в сельском хозяйстве, тем более когда речь идет о сибирском регионе с его суровым климатом, роль которого будет постоянно расти в связи со смещением глобального центра экономического роста с Запада на Восток. И в этом деле мог бы быть полезен накопленный ранее опыт, причем как положительного, так и отрицательного характера. В научной исторической литературе данная проблема остается недостаточно исследованной. Известно, что на протяжении длительного времени ситуация как в сельскохозяйственной науке, так и в ее связи с производством определялась лидирующим положением группы ученых во главе с академиком Т. Д. Лысенко, подвергавших остракизму генетику и придерживавшихся упрощенных, механистических взглядов на селекцию, принижавших значение теоретических биологических дисциплин для развития сельскохозяйственной науки. Все генетические и цитологические исследования были полностью прекращены, а многие важные селекционные работы резко сокращены или прерваны. «Селекционеры были поставлены длительный период в слепую обстановку..., они вынуждены были работать не как селекционеры-биологи, вооруженные знанием генетики, цитологии, вирусологии, методами полиплоидии, а как кустари одиночки, без достаточного знания генетики исходного материала, вне связи с такими смежными науками, как фитопатология, биохимия, вирусология. Конечно, такая работа селекционера сопровождалась частыми неудачами, бесплодием» — так характеризовал современник состояние селекционных исследований в условиях лысенковского диктата в аграрной науке [1, л. 120]. В результате резко снизилась эффективность селек-

ционных работ. Особенно это отразилось на выведении новых сортов зерновых культур и прежде всего яровой пшеницы. Большинство выведенных в этот период селекционерами сортов, районированных в регионе, впоследствии были сняты с районирования как недоработанные и не отвечающие условиям интенсивного земледелия.

Аналогичная ситуация сложилась и в других отраслях сельскохозяйственной науки, что объяснялось также невниманием к методике опытного дела, а нередко и прямыми нарушениями методики, отсутствием оценок экономической эффективности тех или иных рекомендаций. Часть ученых поступалась научной этикой, когда требовалось «авторитетом науки» подтвердить какие-либо программные декларации власти, как это, например, было в период разработки и принятия III программы КПСС, провозгласившей курс на построение коммунистического общества. «Кукурузная эпопея», «пропашная система» земледелия, стерневые посевы озимых — далеко не полный перечень рекомендованных производству агромероприятий, эффективность которых не просто не была подтверждена, а, напротив, принесших вред сельскохозяйственному производству.

В рамках представленной статьи автором поставлена цель рассмотреть проблему, выражаясь медицинской терминологией, «выздоровления» аграрной науки, избавления ее от «болезней» недавнего прошлого. Конечно, данный процесс имел не одномоментный, а достаточно протяженный характер (как и всякое восстановление организма после длительной болезни), и требовал принятия целого комплекса организационно-научных мер.

Прежде всего, необходимо было акцентировать внимание на методологических и методических проблемах аграрной науки. Этот процесс в Западно-

Сибирском регионе имел свои особенности. С одной стороны, в Западной Сибири идеи Т. Д. Лысенко пользовались определенной поддержкой в научно-аграрной среде, с другой — они именно в нашем регионе практически продемонстрировали свою полную несостоятельность, поэтому отказ от них здесь произошел ранее окончательного разоблачения лысенковщины в 1965–1966 гг. Важную роль в восстановлении значения теоретических биологических дисциплин в нашем регионе сыграла деятельность коллектива, созданного в составе Сибирского отделения Академии наук Института цитологии и генетики. Первый директор этого института академик Н. П. Дубинин в выступлении на Общем собрании СО АН СССР в 1958 г. с освещением основных направлений работы института выделил как одно из главных «на бескрайних просторах Сибири применить экспериментальные и производственные методы, разработанные в современных условиях по генетике и цитологии, чтобы открыть новые пути для практики» [2]. Работа по выведению новых сортов сельскохозяйственных культур достигла в Институте цитологии и генетики довольно значительных масштабов. Только в 1960 г. в ходе развития изысканий по гетерозису были созданы 3 силосных гибрида кукурузы для Сибири, в результате исследований по экспериментальной полиплоидии получены первые советские триплоидные гибриды сахарной свеклы основных районированных в СССР сортов [3]. Разработанные в институте новые исследовательские селекционно-генетические методы рекомендовались для использования отраслевым научным учреждениям. С этой целью заключались договоры о творческом сотрудничестве с институтами и опытными станциями, организовывалось обучение персонала. К середине 1962 г. Институт цитологии и генетики установил связи с 156 организациями: научно-исследовательскими институтами, опытными станциями, сортоучастками и т.д. [4]. Именно данные исследования, выполненные на основе современных достижений генетики, обусловили авторитет Института цитологии и генетики как теоретико-методологического центра среди ученых-аграрников Западной Сибири. В решении Зонального совещания сельскохозяйственных научных учреждений региона по итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. и обсуждению планов на 1963 г., проведенного в СибНИИСХозе в декабре 1962 г., подчеркнуто: «Считать целесообразным проведение межведомственных научно-методических совещаний с участием институтов АН и ВАСХНИЛ с целью обмена опытом по разработке теоретических вопросов и методики работы» [5]. После развенчания Лысенко в аграрных научных учреждениях были восстановлены соответствующие лаборатории (цитологии, генетики, физиологии и др.) и роль Института цитологии и генетики СО АН как теоретико-методологического центра еще более возросла. Научные сотрудники ИЦГ становятся постоянными участниками научно-методических совещаний сельскохозяйственных научных учреждений Западной Сибири. «Особенно следует отметить ценные для селекционеров доклады и сообщения научных сотрудников Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. Они раскрывают: новые методы селекции; приемы оценки исходного материала; методы, сокращающие длительность селекционного процесса и позволяющие более быстро получать константные формы», — констатировалось в решениях Научно-методического совещания научно-исследовательских и учебных за-

ведений Западной Сибири, состоявшегося при Алтайском научно-исследовательском институте сельского хозяйства в марте 1965 г. [6].

Не менее важным и неотложным делом было наведение порядка в области методики опытного дела. Единственная в стране кафедра методики опытного дела в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в период доминирования Т. Д. Лысенко была ликвидирована. Даже когда научная общественность поднимала вопрос о «необходимости повышения точности и достоверности исследований и экономической оценки полученных выводов и предложений» [7], «отцы-командиры» на это не реагировали. Оно и понятно: при условии четкого соблюдения методических принципов опытного дела не могли бы появиться те «чудо-рекомендации», благодаря которым доминирование Т. Д. Лысенко поддерживалось. Проведенные в 1965 г. проверки высшими контрольными органами страны наиболее «отличившихся» в плане необоснованных рекомендаций научных учреждений региона показали, что первичная документация в отделах и лабораториях велась небрежно и представляла собой записки на отдельных листах или тетрадах, имелись факты расхождения данных первичной и отчетной документации, случаи фальсификации данных, допускалась преждевременная, поспешная выдача колхозам и совхозам необоснованных, не подтвержденных научными исследованиями, опытными и производственными данными рекомендаций [8]. Отсутствие единой методики проведения полевых и лабораторных опытов не позволяло сопоставить полученные различными научными учреждениями данные. В марте-апреле 1965 г. Министр сельхоза ССРСР проводит Всесоюзное совещание научно-исследовательских учреждений и вузов по вопросам повышения уровня научных исследований, на котором учеными было заявлено, что «восстановление норм методики опытного дела и норм экспериментирования вообще жизненно необходимо в качестве первого шага по пути повышения культуры земледелия и теоретического уровня агрономии» [1, л. 230]. В принятом совещанием постановлении было признано необходимым, чтобы «методика всех исследований, проводимых опытными станциями, научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями, обязательно рассматривалась на заседаниях ученых советов или выделенных ими методических комиссиях» [9]. Чрезвычайно важное значение имел сформулированный в постановлении порядок формирования рекомендаций для производства: «Рекомендовать для внедрения в производство только те научные выводы и предложения, которые имеют высокую экономическую эффективность. В связи с этим необходимо установить такой порядок, чтобы ученые советы не принимали к рассмотрению законченные работы для внедрения в производство, если они не имеют экономической оценки и не внедрены в опытное хозяйство учреждения или учебно-опытное хозяйство вуза» [9].

Именно методические вопросы стали занимать важное место в деятельности аграрных научных учреждений в середине 1960-х гг., они начинают активно обсуждаться учеными советами, создаваемыми в отделах и лабораториях методическими комиссиями. В апреле 1966 г. при СибНИИСХозе состоялось Зональное научно-методическое совещание, на котором главное место отводилось вопросам методики. Директор СибНИИСХоза С. С. Сдобников выступил с докладом «Основные задачи исследова-

ний по вопросам земледелия, основные методические требования при постановке полевых опытов и порядок оформления научной документации». Рекомендовалось закладывать более длительные опыты. Особое внимание обращалось на ведение документации. Каждый исследователь обязан был иметь полевую книжку или дневник, куда необходимо было вносить все полевые записи. Требовались вспомогательные журналы для проведения частных наблюдений (например, фенологических). Сводным должен был быть журнал полевого опыта, куда бы заносились все результаты исследований, общие сведения по опыту [10].

Важное место уделяется математизации исследовательской деятельности. С научными сотрудниками проводятся занятия по теории вероятностей и статистическим методам обработки материала, организуются курсы по подготовке программистов. С целью внедрения в сельскохозяйственную науку и производство современной вычислительной техники в Омском сельскохозяйственном институте организованы группы по проведению научно-исследовательской работы по применению математических методов и вычислительной техники при решении важнейших проблем сельскохозяйственной науки. По установившейся ранее в регионе традиции пример использования математики для решения важных народнохозяйственных проблем показали ученые Сибирского отделения Академии наук. Например, Институтом гидродинамики совместно с Институтом математики отделения в 1964–1968 гг. была разработана линейная экономико-математическая модель, позволяющая оптимизировать плановую или проектную производственную структуру орошаемого хозяйства или группы хозяйств, обслуживаемых оросительной системой, с учетом вероятного характера погодных условий, найти оптимальное соотношение объемов поверхностных и подземных вод для целей орошения [11].

Повышение уровня научных исследований оказалось невозможным также и без структурных изменений в сети аграрных научных учреждений. Известно, что у истоков системы сельскохозяйственной науки в нашей стране стоял академик Н. И. Вавилов. Основными звеньями этой сети, по мнению Николая Ивановича, должны были быть, во-первых, ВАСХНИЛ с ее институтами, задача которых — «постановка оригинальных крупных исследований..., изыскание новых путей в решении агрономических задач, разработка новых методов, синтез всей исследовательской работы, проводимой как в нашей стране, так и за рубежом» [12]. Всесоюзные отраслевые институты разрабатывали теоретические обоснования и основные принципы технологии производства продуктов растениеводства и животноводства. Региональные институты должны были формировать научно обоснованную технологию производства сельскохозяйственной продукции применительно к зонам своей деятельности. Областным опытными станциями в качестве главной задачи вменялось комплексное внедрение в сельскохозяйственное производство результатов научно-исследовательских работ. Однако в таком стройном виде данная система просуществовала недолго. В годы лысенковщины произошла своеобразная нивелировка содержания деятельности опытной сети. С одной стороны, забвение фундаментальной науки, научно-методический кризис привели к падению уровня исследований в научно-исследовательских институтах. С другой — примитивизация науки имела результатом то, что

опытные станции включаются в исследовательскую деятельность, как правило, не имея для этих целей ни соответствующих кадров, ни оборудования, при этом сознательно отказавшись от своих основных, внедренческих, функций. В Западной Сибири ситуация осложнялась тем, что здесь, как правило, аграрные НИИ создавались на базе опытных станций, причем административным изменением статуса нередко все и заканчивалось. Вот как, например, описывают создание Сибирского филиала ВНИИЭСХ в 1955 г. его руководители: «Организация Сибирского филиала ... предусматривалась на базе отдела экономики сельского хозяйства ЗСФАН (Западно-Сибирского филиала Академии наук. — А. Р.) СССР. Фактически она была проведена без какой-либо базы: ни помощи, ни библиотеки и научных материалов, ни людей выделено не было... Создание нового учреждения не сопровождалось организационным направлением на работу в нем ведущих работников филиала..., это тем более серьезная ошибка при особенно остром дефиците ученых-экономистов сельского хозяйства на востоке страны» [13].

Таким образом, необходимы были серьезные структурно-функциональные перемены в сельскохозяйственной науке в стране в целом, и в динамично развивающейся Западной Сибири в частности, которые обеспечили бы значительное повышение уровня исследований. В этих условиях в конце 50-х — начале 60-х гг. на многочисленных научных совещаниях, конференциях учеными-аграрниками региона был поднят вопрос об организации в Сибири отделения (или филиала) ВАСХНИЛ. Во второй половине 1959 г. данная проблема становится предметом специального рассмотрения на коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Принято решение подготовить для представления в правительство соответствующее предложение. «Организация Сибирского филиала, — констатировал президиум ВАСХНИЛ, — позволила бы значительно улучшить научно-методическое руководство опытными учреждениями восточных районов страны» [14]. Но в связи с усилением субъективистских и административных методов руководства аграрной наукой и практикой в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого столетия вопрос об организации в Сибири регионального отделения ВАСХНИЛ не был решен положительно. Созданные в 1956–1959 гг. в ряде союзных республик СССР республиканские Академии сельскохозяйственных наук в 1962 г. были ликвидированы. Однако опыт региональных научных центров АН СССР убедительно показал целесообразность подобной организации исследований в области сельского хозяйства, в первую очередь на востоке страны. Состоявшееся в середине 1960-х гг. разоблачение Т. Д. Лысенко устранило последние преграды для решения этого вопроса. Сибирское отделение ВАСХНИЛ было создано по постановлению Совета министров СССР от 14 ноября 1969 г. «О мероприятиях по созданию научно-исследовательского комплекса по вопросам развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока» [15]. При создании СО ВАСХНИЛ в его состав были включены реорганизованные и вновь сформированные институты: животноводства; механизации и электрификации; экономики сельского хозяйства; химизации (в 1980 г. реорганизован в институт земледелия и химизации); институт кормов; Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства; Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера; Все-

союзный научно-исследовательский институт сои. В 1974 г. в состав отделения был включен Институт экспериментальной ветеринарии, а в 1976 г. — Сибирский филиал ВИР (в 1977 г. реорганизован в научно-исследовательский институт растениеводства и селекции). В 1970-е гг. впервые в стране созданы комплексные институты технологического характера (СибНИИПТИМ, АНИИПТИЖ и др.). Их организация по производственно-проблемному принципу позволила нацелить научные исследования на достижение конечного результата, а решение проблемы в целом, а не на проработку лишь отдельных разрозненных задач. Для активизации селекционной работы девять институтов в сибирском регионе были утверждены селекционными центрами по растениеводству и один — по животноводству.

Закономерно, что усилия, направленные на повышение методологического и методического уровня исследований, создание регионального отделения ВАСХНИЛ не могли не привести к позитивному результату. По свидетельству ученых, в результате преобразований начался «золотой этап» в области селекции [16]. Западная Сибирь становится житницей страны по производству качественных сортов пшеницы: уже в середине 1970-х гг., например, Омская область вышла на первое место в яровой пшеничной зоне СССР по производству высококачественного зерна: ценной пшеницы (с клейковиной 26 % и выше) здесь производили более миллиона тонн в год, а сильной (32 %) — около полумиллиона тонн [17]. Динамично развиваются и другие отрасли сельскохозяйственной науки.

В «эру Лысенко» дезорганизация всего опытного дела дошла до такой степени, что невозможно было понять, где завершается собственно исследовательская работа и когда начинается внедрение. Появился странный и непонятный термин «массовый производственный эксперимент». «Идеологическая» платформа, доказывающая преимущество «массового производственного эксперимента» перед кропотливыми лабораторными и опытными исследованиями, была сформулирована в изданном в 1964 г. учебнике дарвинизма. В нем указано, что «кабинетная, лабораторная генетика зашла в тупик», а «лабораторное исследование имеет дело обычно только с фрагментами жизни — с клетками, их штаммами, частями тканей в искусственной культуре», в результате исследователь получает «в таких опытах ответы организмов на искаженные условия существования» [18, с. 332], т.е. данные, полученные учеными в лабораторных исследованиях, малодостоверны и не имеют научной ценности. Другое дело, согласно взглядам Лысенко и его адептов, массовый производственный эксперимент, который представляет «самый верный путь к познанию живой природы, практическое управление ее явлениями», когда в условиях производства «человек изменяет условия роста и развития растений» [18, с. 330]. О масштабах и практических результатах использования «массового производственного эксперимента» известно всем, поэтому ликвидация лысенковской монополии в аграрной науке означала и формирование новых подходов в области организации внедрения. Суть этих подходов состояла в том, что внедренческая деятель-

ность стала строиться с опорой на опыт так называемых «маяков» — передовых хозяйств, бригад, отдельных работников-мастеров своего дела. Например, учеными и специалистами совхоза «Кулундинский» Алтайского края была отработана технология противозерозионной обработки почвы. Широкое внедрение этой технологии позволило остановить пыльные бури Кулунды и добиться стабильных урожаев в хозяйствах, расположенных здесь.

Таким образом, осуществленные после разоблачения Т. Д. Лысенко мероприятия в области повышения научно-методологического и методического уровня исследований, структурно-функциональные изменения в научной сети, новые внедренческие подходы способствовали возрастанию роли науки в развитии сельскохозяйственного производства. Однако, как показали дальнейшие события, бюрократизация управления сельским хозяйством значительно ограничила их эффект.

Библиографический список

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 9. Д. 6.
2. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
3. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.
4. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.
5. Архив СибНИИСХоза. Оп. 1. Д. 118. Л. 13.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1167. Оп. 2. Д. 17. Л. 156.
7. Вестник сельскохозяйственной науки. — 1958. — № 9. — С. 6.
8. ГААК. Ф. 181. Оп. 4. Д. 307. Л. 12–13.
9. Вестник сельскохозяйственной науки. — 1965. — № 5. — С. 104.
10. Архив СибНИИСХоза. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–2.
11. Научный архив СО РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.
12. Вавилов, Н. И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки / Н. И. Вавилов. — М.: Советская Россия, 1990. — С. 130.
13. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 41. Л. 29.
14. РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4636. Л. 33–34.
15. Ленинская аграрная политика КПСС: Сборник важнейших документов (март 1965–июль 1978). — М.: Политиздат, 1978. — С. 257–260.
16. Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. В 2 т. Т. 2. Селекция и семеноводство, механизация. — Омск: Фракта, 1998. — С. 10.
17. Время Манякина. Воспоминания / Сост. и гл. ред. М. И. Сильванович. — М.: АНО Омское землячество в Москве, 2011. — С. 214.
18. Дворянkin, Ф. А. Дарвинизм: курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма / Ф. А. Дворянkin. — М.: МГУ, 1964. — 448 с.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: alex-rychkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2014 г.

© А. В. Рычков

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1990—2000 гг.

В статье исследованы проблемы экономического развития Западной Сибири и мероприятия органов власти, способствовавшие изменению структуры промышленно-сельскохозяйственного производства, утверждению рыночных отношений в экономике. Немаловажное значение имеет выявление специфики агропромышленной специализации исследуемых регионов.

Ключевые слова: экономический сектор, агропромышленная специализация, рыночные отношения, совокупный общественный продукт, инвестиции, приватизация.

Немаловажное значение в изменении структуры промышленного и сельскохозяйственного производства имеют финансово-экономические мероприятия органов власти субъектов РФ. К ним следует отнести разработку программ развития приоритетных отраслей экономического сектора, поиск инвестиционных и материальных ресурсов, а также выявление специфики агропромышленной специализации и утверждения рыночных отношений в экономике Западно-Сибирского края.

К 1990 г. промышленность занимала ведущее место в структуре совокупного общественного продукта Западно-Сибирских регионов Российской Федерации. Так, в Алтайском крае доля промышленности в структуре совокупного общественного продукта составляла 47,7 %, для Новосибирской области эта доля была равна 52,2 %, а по Омской области ее значение достигало 54,4 % [1].

Промышленный сектор регионов Западной Сибири был представлен следующими отраслями: машиностроением (преобладание сельскохозяйственного машиностроения в Алтайском крае и специализация Новосибирска, Омска, Томска на военно-промышленном машиностроении); металлообработкой (Алтай, Кемерово, Новосибирск); добывающей отраслью (Кемеровская и Томская области); нефтепереработкой (Омская и Томская области); химической и нефтехимической отраслями (Кемеровская, Омская, Томская области и Алтайский край); легкой промышленностью (Алтай, Омск и Новосибирск); пищевой промышленностью (Алтайский край, Омская и Новосибирская области).

Среди других отраслей, характерных для экономики Алтайского края, можно выделить промышленность строительных материалов и лесопереработку. В Томской области была также развита лесоперерабатывающая отрасль, а на территории Кемеровской и Новосибирской областей — электроэнергетика и металлургия.

Летом 1991 г. правительство РФ начинает осуществлять экономические преобразования: либерализацию цен на большинство товаров и услуг; введение конвертируемости национальной валюты; раздел государственной собственности на муниципальную, региональную, федеральную и переход к ее приватизации. По сравнению с 1990 г. в 5 раз сократились централизованные государственные инвестиции в народное хозяйство Сибирского края. Спад про-

мышленного производства принял здесь глубокий характер. В 1992 г. объем промышленного производства Западно-Сибирского региона уменьшился до 81 % от уровня 1990 г. В 1993 г. соответствующий показатель был уже на уровне 72 %, а в 1995 г. он опустился до 56 %. Глубина спада производства в разных субъектах в основном определялась существовавшей структурой производства. В Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях, где был высокий удельный вес предприятий машиностроения и военно-промышленного комплекса (ВПК), спад промышленного производства превысил среднероссийские показатели. Напротив, в Томской области, где весомее была доля предприятий топливно-энергетического комплекса, спад был ниже, чем по стране в целом.

В 1994—1995 гг. в промышленном секторе названных регионов замедлились темпы спада объемов производства. Однако эти явления оказались неустойчивыми и имели кратковременный характер. Уже в 1996—1997 гг. продолжилось снижение промышленного производства, причем в Алтайском крае и Новосибирской области его уровень был настолько глубоким, что объемы выпуска промышленной продукции не превышали трети от уровня 1990 г., а по Омской области в 1997 г. ее физический объем составил 42,7 % к уровню 1990 г.

В конце 1997 г. Россия вступила в полосу финансового и общеэкономического кризиса, пик которого пришелся на дефолт августа 1998 г. Одной из предпосылок преодоления кризиса послужил комплекс управленческих мероприятий, разработанных руководством субъектов Федерации: разработка долгосрочных программ развития отдельных отраслей, промышленных объединений, а также подготовка нормативно-правовой базы и поиск инвестиционных ресурсов. Существенную роль сыграла девальвация рубля по отношению к доллару, создавшая благоприятные предпосылки для отечественных товаропроизводителей и экспортеров, дав им возможность для расширения позиций на внутреннем и внешнем рынках. В 1999 г. начался прирост промышленного производства, составивший в Омской области 3 %, на Алтае — 17,7 % [2].

Развитие рыночных отношений в российской экономике привело к изменению межотраслевых пропорций в промышленном производстве. Перелив капитала в высокоэффективную сферу, связанную

с экспортом сырья и продукции низкой степени переработки, обеспечил устойчивое повышение в продукции промышленности доли таких отраслей, как нефте- и газодобыча, а также нефтепереработка и нефтехимия.

Промышленная политика Томской области строилась на основе приоритетного развития отраслей сырьевого комплекса — нефте- и газодобывающей промышленности. Начавшийся в 1990-е гг. кризис и последующая перестройка экономики усилили эту тенденцию. Несмотря на внушительный перечень месторождений полезных ископаемых, расположенных на территории Омской области, они были слабо изучены и не имели особого значения для развития отраслей промышленности. Лишь в конце 1990-х гг. в рамках провозглашенной администрацией области задачи по обретению энергетической независимости была ускорена геологическая разведка запасов Омского Севера и начата промышленная разработка Крапивинского нефтяного и Тевризского газоконденсатного месторождений.

Нефтеперерабатывающая отрасль Томской области включала несколько заводов, крупнейший из которых с мощностью переработки 200 тыс. тонн в год располагается в городе Стрежевом (другие имеют мощность в 20 — 30 тыс. тонн). Эти предприятия занимались производством низкокачественной продукции (преимущественно дизельного топлива и мазута). Нефтеперерабатывающая промышленность Омской области в рассматриваемый период вышла на лидирующие позиции в структуре омской экономики. Отрасль представлена одним из наиболее мощных и современных предприятий своего рода в России — Омским нефтеперерабатывающим заводом (НПЗ). Предприятие с проектной мощностью переработки, превышающей 25 млн тонн, на протяжении всех 1990-х гг. имело загрузку на уровне 80 — 82 %. Глубина переработки составляла 79,1 % (среднероссийский показатель был на уровне 62,5 %). Не имея внутренних конкурентов, НПЗ поставлял свою продукцию на рынки нескольких сибирских субъектов, а также обеспечивал сырьем предприятия омского нефтехимического комплекса [3].

К началу 1990-х гг. общий спад производства коснулся также нефтехимической и химической отраслей, что было связано с отсутствием государственного заказа, низким качеством продукции и проникновением на российский рынок более качественной зарубежной продукции.

Машиностроение и металлообработка оказались в числе отраслей, менее всего адаптированных к условиям проводившихся экономических реформ. Эти отрасли промышленности Томской области, занимавшие в докризисный период достаточно важное место, почти потеряли свое значение для региона. К 1998 г. общий спад выпуска продукции машиностроения области составил 69% (по стране — 56 %). В результате доля машиностроительного производства в общепромышленном выпуске снизилась с 31,4 % в 1990 г. до 7,1 % в 1998 г. и лишь немного поднялась — до 9,1 % — в 1999 г. [4].

Невостребованность продукции, техническая отсталость, медленное обновление ассортимента привели к спаду в машиностроительной отрасли Кемеровской области. Наряду с этим металлургическая отрасль сохранила свои ведущие позиции в валовом региональном продукте. Несмотря на сокращение объемов производства, в Новосибирской области сохранилась ведущая роль машиностроения, доля которого в течение 1990-х гг. составляла около 26 % [5].

Иная ситуация наблюдалась в машиностроительном комплексе Омского Прииртышья. Сектор экономики, производивший в конце 1980-х гг. до трети всей промышленной продукции области, уступил лидирующие позиции другим отраслям промышленности. К концу исследуемого периода его доля в отраслевой структуре промышленного выпуска составляла более 14 %. Такой серьезный спад был вызван тем, что в советский период в регионе получили преимущественное развитие предприятия ВПК, которые, потеряв государственную поддержку, не смогли выйти со своей продукцией на рынок. Региональная программа «Конверсия» способствовала освоению новых видов продукции оборонными предприятиями, но она не могла решить всех проблем комплекса и лишь несколько уменьшила темпы падения производства.

В целом для машиностроительного комплекса всех исследуемых субъектов РФ было характерно резкое снижение объемов выпуска наукоемкой продукции и рост доли выпуска технически несложной продукции и ремонта.

Другой проблемной отраслью Омской области была легкая промышленность. Спад объемов ее производства в 1993 г. достигал 51,7 % и такая же ситуация была в 2000 г., когда объемы выпуска составили 51 % к уровню предыдущего года. Такой обвал можно связать с ростом импорта и слабой привлекательностью для инвесторов предприятий легкой промышленности области. В результате удельный вес отрасли по выпуску продукции к концу марта 2000 г. не превышал показатель в 1,3 %. Несколько ослабла позиция цветной металлургии в удельном весе отраслей Новосибирской промышленности, которая в начале исследуемого периода занимала второе место в объеме промышленного производства, но затем переместилась на четвертое. Данную ситуацию отчасти можно объяснить тем, что одно из крупных предприятий цветной металлургии в статистике стало учитываться как предприятие машиностроения [6].

Резкий рост транспортных тарифов и значительное сужение внутреннего рынка стали причиной невостребованности лесных ресурсов Сибири. При стабильной численности рабочих в лесном хозяйстве значительно уменьшились объемы транспортных перевозок. На протяжении 1990-х гг. в исследуемых регионах произошло резкое сокращение объемов производства древесины: по Алтайскому краю — в 3,5 раза, по Кемеровской области — в 8 раз, по Новосибирской области — в 6,5 раза, по Омской области — в 12,8 раза, по Томской области — в 7 раз. Существенно снизились темпы проведения лесовосстановительных мероприятий [7].

Лидирующие позиции в структуре промышленного производства в Омской области занимала пищевая промышленность. Ее доля в 2000 г. составила 26 %, хотя в конце 1980-х она не превышала 12,1 %. Подобная ситуация наблюдалась на Алтае, где продукция пищевой и перерабатывающей отраслей превышала 1/3 промышленного производства края. Аналогичные процессы свойственны пищевой промышленности Новосибирской области. Здесь она передвинулась с третьего на второе место по объемам промышленного производства: ее доля выросла с 14,9 % до 23,3 %. Впрочем, повышение доли пищевой промышленности в совокупных объемах промышленного производства нельзя связывать с ее бурным развитием. Прежде всего, это объяснялось резким уменьшением производственных возможностей других отраслей [8].

Поголовье основных видов скота в хозяйствах всех категорий, тысяча голов, значение показателя за год

	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Крупный рогатый скот									
Алтайский край	2042,9	1801,3	1665,4	1558,1	1434,1	1185,1	1040,2	1102,4	1099,7
Новосибирская область	1633,8	1407,7	1305,8	1250,7	1138,4	991,4	862	857,8	875,3
Омская область	1655,5	1504,7	1316,7	1198,1	1035,5	916,7	773,2	734,4	720,5
Томская область	338,8	302,7	270,1	256,9	224	200,8	182,7	184,5	177,6
Коровы									
Алтайский край	710,9	707,7	678,3	658,3	620,7	535,5	486,8	498,7	493,5
Новосибирская область	588,5	568,7	529,8	518,9	480	422,6	385,1	377,1	376,5
Омская область	570	574,1	529,2	499	447,6	403,2	353,4	337,2	326,9
Томская область	131,7	128,9	117,2	112,7	100,5	90,8	84,7	83,4	79,2
Свины									
Алтайский край	778,2	676	627	636,8	642,1	532,8	516,8	661,1	572
Новосибирская область	592,3	528,1	457,7	493,8	459,3	433,1	400,6	477,3	389,3
Омская область	670,4	575	534,1	534	494,6	510,5	508,9	561,7	489,9
Томская область	282,4	242,9	200,2	172,1	141,2	136,7	132,2	160	144
Овцы и козы									
Алтайский край	1592,9	1295,9	1050,8	863	665,9	404,2	308,4	326,5	323,6
Новосибирская область	1096,8	859,2	625,7	547,4	447,5	337,5	279,9	267	269,1
Омская область	937,2	754,3	556,4	442,1	337,5	250,3	185,3	169	160,1
Томская область	77,9	77	66,2	61,4	48,1	39,5	34,8	34,3	32,4

Одним из показателей состояния промышленного производства является энергетический баланс территории. Изначально региональные энергосистемы всех субъектов были энергодефицитны: потребление на их территории было больше собственного производства. За исследуемый период ни в одном из субъектов эта ситуация не изменилась в обратную сторону. Повсеместно снизилось общее потребление электроэнергии. К тому же наблюдалось сокращение производства ее в Алтайском крае, Кемеровской и Омской областях. В то же время энергосистемы Новосибирской и Томской областей нарастили объемы производства, но эти тенденции носили неустойчивый характер.

Негативные тенденции начала 1990-х г., характерные для отраслей промышленного производства, неблагоприятным образом сказались и на аграрном секторе исследуемых регионов Западной Сибири. Быстрыми темпами устаревал и сокращался парк машин, орудий и производственных помещений. Сельское хозяйство столкнулось с трудностями реализации своей продукции из-за сокращения платежеспособного спроса населения, разрыва связей со многими регионами, куда традиционно поставлялась сельскохозяйственная продукция, а также нарушения связей между производителями и покупателями внутри самих субъектов. Кроме того, сельские районы ощутили ценовое давление монополистов: поставщиков средств производства, переработчиков и продавцов сельскохозяйственной продукции. Например, если в 1991 г. для приобретения одного комбайна марки «Енисей» необходимо было реализовать 28 тонн пшеницы, то в 1996 г. эта цифра составила 366 тонн. Цены поднялись также на энергоносители и воду, возросли транспортные расходы. Приведенные факты свидетельствовали о необходимости проведения аграрной реформы [9].

Однако аграрные преобразования региональных органов власти Западной Сибири, предполагавшие появление и активное развитие фермерских и личных подсобных хозяйств, не повысили эффективность сельскохозяйственного производства и не привели к повышению конкуренции на рынке продуктов сельского хозяйства. Год от года росла доля убыточных сельскохозяйственных предприятий. Так, в Омской области по итогам 1996 г. таковых насчитывалось 78 %, а уже в 1997 г. их количество возросло до 83 % [10].

Не располагая достаточными средствами для своего функционирования, сельскохозяйственные предприятия еще в большей степени попали в зависимость от государственной поддержки. Принимаемые на федеральном уровне нормативные документы по поддержке сельского хозяйства не были подкреплены соответствующими финансовыми и материальными ресурсами.

Выживание сельского населения в большей степени шло за счет резкого снижения потенциала, накопленного в докризисный период (табл. 1). Из приведенных данных видно, что сокращение поголовья скота затронуло все отрасли животноводства. По некоторым отраслям сокращение превысило пятикратное значение, поставив под вопрос возможность их развития и существования. Среди отраслей животноводства, не вошедших в таблицу, также произошло значительное сокращение поголовья. Так, объемы кроличьего поголовья на территории Омской области снизились примерно в 250 раз [11].

Из-за недостаточного применения средств защиты растений снижалась эффективность растениеводства (табл. 2). Рассматривая данные по отраслям растениеводства необходимо учитывать степень влияния на итоговую урожайность погодных условий того или иного года. В целом, можно констатировать,

Валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий, тысяча центнеров, значение показателя за год

	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Зерно (в весе после доработки)									
Алтайский край	32463,1	44108,2	27011,4	33062,1	26739	20514,7	30736,6	25133,7	44084,3
Новосибирская область	22660,9	19875,5	19041,1	25653,3	18217,6	21625,6	16153,7	16464,9	26615,7
Омская область	22719,9	27458,7	20237,9	26137	25958,5	23480,3	14184	15627,8	17240
Томская область	3448,7	3294,1	2640,1	4359,2	1980,5	3484	3262,5	3265,2	3817,9
Сахарная свекла (фабричная)									
Алтайский край	7619	8630,5	3449,8	5957,6	3745	2248,5	2156,1	3338,4	3524,7
Новосибирская область		177,2	42	13,3				1,3	
Омская область		533,6	14						
Семена подсолнечника									
Алтайский край	921,4	1087,4	986,3	1355,1	791,9	527	832,5	1256,8	1518,5
Новосибирская область	18,9	58	69,1	91,2	46,6	48,4	38,3	55,9	90,9
Омская область	12,2	47,4	57,6	47,2	53,4	28,2	19,5	71,8	93,1
Картофель									
Алтайский край	9397,3	10177,7	12276,2	11364,9	14644,5	8381	7611,9	8014,7	8415,5
Новосибирская область	7685,8	6752	7295,1	8162,3	7388	9417,1	4490	4253	8142
Омская область	6538,3	6092,7	5032,5	5309	6336,3	6931,2	4218,1	4396	5793,5
Томская область	2045,7	3115,9	2869,9	2892,9	2001,6	3764,6	2865,7	2323,1	3174
Овощи									
Алтайский край	1975	1937,4	2120,1	2170,8	2316,1	1981,2	1868,6	2201,4	2044,6
Новосибирская область	2077,2	2237,4	2073	2628,4	2307,5	2682,3	2324,3	3333,4	3881,1
Омская область	1697,8	1478	1542,6	1689,4	1408,6	2009,1	1379,7	1535,8	1864,5
Томская область	509,8	547,3	553,7	657,7	642,8	689,9	840,6	805,1	866,7

что традиционные отрасли растениеводства, такие как выращивание зерновых, картофеля и овощей, остались на прежнем уровне [12].

Исходя из складывавшихся условий экономического развития субъектов, региональные органы власти были вынуждены принимать меры ради поддержки сельских товаропроизводителей с целью смягчения влияния негативных факторов. Так, ежегодно из омского областного бюджета выделялись дотации на продукцию животноводства, компенсировалась часть затрат для улучшения инфраструктуры села, покупки комбикормов, формирования страхового семенного фонда и т.д. Производилось авансирование товарного кредита в виде выделения товаропроизводителям горюче-смазочных материалов и запасных частей [13].

Аналогичные меры предпринимались исполнительными органами власти других субъектов: выделялись бюджетные транши; предпринимались попытки по созданию финансово-промышленных групп, объединявших предприятия для приобретения сельскохозяйственной техники и производства сельхозпродукции. Немаловажное значение имели мероприятия по материально-техническому обеспечению аграрно-промышленного комплекса (АПК) и переработке сельскохозяйственной продукции. Впрочем, эти меры без необходимого повышения эффективности производства практически не давали положительных результатов.

Таким образом, исследование экономического развития Западной Сибири свидетельствует о финансово-экономических потрясениях в исследуемый период. Реформаторская деятельность региональных органов власти преследовала цель изменить структуру промышленного и сельскохозяйственного производства с наименьшим сроком окупаемости, а также выявить основные направления утверждения рыночных отношений во всех отраслях производства.

Библиографический список

1. Омская область на пороге тысячелетий: политика, экономика, культура : моногр. / Под общ. ред. С. В. Новикова, Р. А. Рияновой. — Омск : ОмГАУ, 2003. — С. 86.
2. Шишкин, В. И. На путях реформ / В. И. Шишкин // Сибирь в лицах. — Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. — С. 89–90, 95, 98–101.
3. Омский нефтеперерабатывающий завод — лидер на российском рынке нефтепереработки // Рынок ценных бумаг. — 1998. — март. — С. 57–58.
4. Амосенок, Э. П. Роль машиностроения в промышленной политике Томской области / Э. П. Амосенок // Регион. — 2002. — № 3. — С. 148.
5. Гумерова, А. А. Интеграционный ресурс развития экономики Новосибирской области / А. А. Гумерова, Н. И. Ларина // Регион — 2003. — № 2. — С. 176.
6. Калужский, М. Л. Экономика Западной Сибири: Омская область / М. Л. Калужский, А. Р. Сараев. — Омск : ОмГАУ, 2003. — С. 179–188.
7. Блам, Ю. Ш. Лесной комплекс Сибири: от стратегии выживания к развитию / Ю. Ш. Блам, Л. В. Машкина, О. В. Машкина // Регион. — 2003. — № 2. — С. 139, 142–143.
8. Гумерова, А. А. Интеграционный ресурс развития экономики Новосибирской области / А. А. Гумерова, Н. И. Ларина // Регион — 2003. — № 2. — С. 176.
9. Викторов, И. К. Проблемы аграрной политики / И. К. Викторов // Регион-плюс. — 1997. — № 2. — С. 34–38.
10. Социально-экономическое положение Омской области в 1997 году // Коммерческие вести. — 1998. — № 4. — С. 11, 12, 17.
11. Поголовье основных видов скота в хозяйствах всех категорий [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа: http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=1416006 (дата обращения: 03.04.2014).
12. Валовой сбор сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа : http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=1416003 (дата обращения: 03.04.2014).

ГУСЕЛЬНИКОВ Роман Владимирович, аспирант кафедры истории и социально-педагогических дис-

Адрес для переписки: miq_57@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2014 г.

© Р. В. Гусельников

УДК 94(47).084.9+911.375.5+908

В. С. КУЗЕВАНОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ТРАНСФОРМАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА СОВЕТСКОГО ГОРОДА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ЗАМЫСЛОВ АРХИТЕКТОРОВ ОМСКА 1950-х гг.

Городское пространство советского города в 1950-е гг. претерпевает ряд изменений, которые не всегда связаны только с политической историей страны. В статье предлагается рассмотреть архитектурные и градостроительные проекты изменения пространства крупного сибирского города, используя преимущественно архивные материалы, с целью выявления «опорных» (символических) точек в городском пространстве Омска.

Ключевые слова: городское пространство, города СССР, культурно-цивилизационный ландшафт, крупный советский сибирский город, Омск.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Молодые ученые ОмГУ» (МУ 2/2014).

Городское пространство 1950-х годов формировалось неравномерно. Отсутствие единой концепции развития городского пространства и благоустройства сказывалось на качестве архитектуры. Архитекторы предпринимали попытку исправить ситуацию. Профессиональная практика омских архитекторов отличалась от тех представлений, которые были распространены в других сибирских городах. В отраслевой истории закрепилось понятие «соцреализм», которое под воздействием идеологических и социальных реалий претерпевало содержательные трансформации. Первая половина 1950-х гг. — это время расцвета «Сталинского ампира», связанное с возникновением новых архитектурных форм, а значит, подразумевалось развитие индивидуального проектирования. В «идеологически правильном» труде по советской архитектуре подчеркивалось: «Весь опыт послевоенной архитектурной практики в нашей стране <...> показывает, что своих новых успехов отечественная архитектура добивается на пути коренной переработки классики, на пути поисков новых образов, что знаменует собой дальнейшее углубление метода социалистического реализма» [1, с. 388]. Массовое применение типовых проектов и внедрение методов индустриального строительства принято соотносить с докладом Н. С. Хрущева 1954 г. и принятием директивных решений 1955 г. [2]. В данной статье предлагается реконструировать и интерпретировать профессиональную деятельность архитекторов, работавших в 1950-х гг., используя подходы историко-географического (т. н. «деятельностная концепция») и интеллектуальной истории (как истории воз-

никновения идей в умах представителей профессиональных отрядов советской интеллигенции и поиска вариантов их реализации).

Цель — обозначить возможные трансформации омского городского пространства, возникавшие под влиянием архитектурных и градостроительных идей 1950-х гг. и реальной деятельности столичных и местных специалистов.

Частично обозначенная тема привлекала внимание искусствоведов Н. Г. Линчевской [3], Г. Ю. Мысливцевой [4]; историков архитектуры и градостроительства В. И. Кочедамова [5], Б. И. Оглы [6], С. С. Духанова [7], профессиональных историков Д. А. Алисова [8] и В. Г. Рыженко [9]. В данной работе для достижения поставленной цели применяется исследовательская модель, предлагаемая омскими историками в комплексном труде [10]. Омские историки разработали теоретико-методологическую модель, «важной частью которой является динамика символических и реальных координат городского культурно-цивилизационного ландшафта, с учетом накопленного отечественного наследия и поисков, ведущихся в современных исследованиях» [10, с. 15]. Принципиальным в этом случае является определение круга «знаковых объектов». Не все гражданские здания могут оказывать существенное влияние на развитие городского пространства. Архитектурная практика рассматриваемого периода неоднозначно определяла положение сложившейся застройки. В связи с этим А. В. Иконников предостерегает об «утопичности интенций»: «историческое прошлое доступно не как объективная данность, но лишь как представление, условная

модель, всегда основанная на неполной информации, отобранной под влиянием ценностных установок настоящего» [11, с. 319].

Во избежание неточностей и неполноценности исследования в предлагаемой статье максимально привлекаются архивные материалы, ранее не попадавшие в поле зрения социальных историков культуры. Источниковая база состоит преимущественно из отраслевой делопроизводственной документации (экспертных заключений, отчетов, протоколов технических комиссий, архитектурно-планировочных заданий). Отраслевые документы позволяют выявить знаковые архитектурные проекты, которые не были реализованы, но отразили ход архитектурной мысли архитекторов крупного сибирского города. Ограничим предмет исследования эволюцией их представлений о детальной планировке и развитии центральной части города в 1950-е гг. на примере Омска.

В послевоенный период омские архитекторы столкнулись с серьезными препятствиями, не позволяющими создать единый архитектурный ансамбль города. Историк архитектуры В. И. Кочедамов так охарактеризовал положение дел: «В первые послевоенные годы срочность строительства не позволяла вести планомерную реконструкцию районов города, и жилые массивы возникали там, где их легче было возвести» [5, с. 69]. Острые социальные проблемы, связанные с благоустройством, нехваткой жилого фонда, слабой сеткой транспортных коммуникаций города в первое послевоенное десятилетие негативно сказывались на градостроительной ситуации [12, с. 8–15; 28–31; 37–39]. Однако во второй половине 1950-х гг. архитекторы начинают работать над комплексной застройкой города, заложив тем самым перспективу развития градостроительного пространства. В обозначенное десятилетие в официальных установках и архитектурно-планировочных заданиях архитекторам предписывалось выполнять требования в закреплении новых элементов в пространстве и символических образах советского города [9, с. 154–192].

Знаковые архитектурные объекты в ландшафте города появлялись в основном на главных магистралях и рядом с производственными предприятиями. В пояснительной записке к годовому отчету за 1950 г. начальник инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля г. Омска Эйхлер заметил: «Строительство размещено в разных частях города — разбросано. Главными застройщиками являются заводы, преследующие одну цель: строить жилые поселки, целые городки около своих заводов и на свободных земляных участках — без сноса» [13, л. 26]. Промышленные предприятия стали эпицентрами, стягивающими к себе строительные площадки, таким образом были созданы городские замкнутые секторы, которые в следующем десятилетии получили название «микрорайон». Серьезной проблемой стало возведение крупных объектов и многоэтажных зданий на главных магистралях. На совещании главных архитекторов по вопросу «О повышении качества застройки и архитектуры крупных промышленных городов РСФСР» (г. Москва, 1953) отмечалось: «Коллегия Управления <Госстроя РСФСР> считает, что основным типом многоэтажного жилого дома в промышленных городах должен быть 4–5-этажный дом, так как по строительным и эксплуатационным показателям этот тип жил. дома является наиболее экономичным, ибо не требует дорогостоящего лифта и, кроме того, в пределах этой этажности несущие кирпичные конструкции являются экономич-

ными» [14, л. 6]. По «градостроительным» и «архитектурным сооружениям» рекомендовалось застраивать промышленные города (в этот список входил Омск) 4–5-этажными зданиями, а на центральных магистралях повышать этажность до 7–8. Реализовать это поручение удавалось не всегда. Повышенная этажность жилого дома увеличивала нагрузку на прилегающую инфраструктуру.

Формирование главных площадей города проходило поэтапно. В начале 1950-х гг. московская градостроительная организация Гипрогор разработала генеральный план развития города. В. И. Кочедамов отозвался об этом генплане: «В нем был заложен ряд широких, но малореальных предложений» [5, с. 80]. Изменения в генплан вносились на протяжении следующих трех лет, так как не были учтены местные особенности. 28 июля 1955 г. на заседании архитектурного совета при Отделе по делам архитектора города под председательством главного архитектора города Б. В. Антипова был определен недостаток в планировочной композиции центра города — широкая эспланада, идущая от высотного административного здания (Дома Советов) к р. Иртыш, и организация главных магистралей ведут за собой уничтожение целого ряда капитальных зданий [15, л. 1–6]. На заседании с резкой критикой выступил В. И. Кочедамов: «Игнорировать историческое развитие города и его поступательное движение — никому не дозволено. <...> Перерезать город случайными проездами исходя из числа композиционных мотивов нельзя» [16, л. 4]. С отрешенностью от заданной реальной ситуации был согласен историк архитектуры и градостроительства Западной Сибири Б. И. Оглы. В его семейном архиве удалось найти фотографии макета [5, с. 77], созданного бригадой Гипрогора (рук. арх. Ю. В. Траутман). Пять фотографий с разного ракурса позволяют оценить масштаб планируемой застройки. На фотографии № 3¹ Оглы дал свой комментарий карандашом на обратной стороне: «Площадь кажется не масштабной зданию, к тому же дискомфортное влияние Иртыша в осенне-зимний период. Однако вот такое искусственное сужение площади с частичным перекрытием (особенно визуальным) хода из зеленого полукольца-сквера центра, принятое в окончательном варианте, мне кажется не лучшим решением» [17]. Примечательно, что градостроители предусмотрели развитие водного транспорта. На стрелке впадения р. Омь в р. Иртыш по замыслу авторов должен располагаться речной вокзал, выполненный в строгих формах (круглое здание с куполом, а прилегающая территория решена в виде спусков к воде и причалов) и небольшим объемом.

По вопросу архитектуры и градостроительного значения речного вокзала возникали дискуссии и ранее. Согласно протоколу № 7 совещания при начальнике Нижне-Иртышского пароходства А. И. Николаеве 30 сентября 1954 г. решение о размещении здания пассажирского речного вокзала было принято. Исполком Омского городского совета депутатов трудящихся (решение № 30/1024 от 21 сентября 1954 г.) выделил земельный участок вдоль р. Иртыш на пересечении осевой линии здания с осью Штабной улицы. Специалисты Нижне-Иртышского пароходства выразили свое мнение по этому поводу: «Место для размещения здания пасс. вокзала на данном участке не вызывает возражений по эксплуатационным условиям, как и расположение на стрелке, а поэтому является вполне приемлемым» [18, л. 32]. Выбор места определялся не только эксплуатацион-

ными показателями, но и архитектурно-композиционными. На выделенном участке Горисполком предполагал возведение зданий «по повторно-применяемому проекту красноярского вокзала, осуществленного в г. Красноярске» [18, л. 32]. При расположении речного вокзала на стрелке предлагалось использовать проект здания г. Казани, но недостатки превосходили достоинства этого проекта. Одним из основных мотивов отказа в реализации данного проекта являлся состав помещений (в том числе не устраивало отсутствие зала ожидания) [19, л. 32 об.]. Красноярский вокзал был более объемным и вместительным, поэтому размещение его на стрелке было невозможным из-за состояния берегов реки, тем более он в плане не учитывал особенности топографии.

Применение типового проекта ликвидировало ряд проблем, возникающих при разработке индивидуального: во-первых, сокращение сроков работ по проектированию (по сути, делалась только привязка исходя из климатических и геофизических особенностей), во-вторых, подготовительные работы можно было осуществлять через два месяца после утверждения проекта и, в-третьих, экономия финансовых средств при технологической и технической реализации проекта. Красноярский вокзал был идеологически проверенным и признанным. Речной вокзал на 500 пассажиров на р. Енисей был разработан Архитектурно-планировочной мастерской при Управлении главного архитектора г. Красноярска (1949–1952 гг.), (гл. арх. города, 1948–1950 гг., А. Н. Голубев). Проект был реализован в 1952 г., а в 1958 г. удостоен серебряной медали на Всемирной выставке в Брюсселе [20, с. 75].

Предположительно, макет застройки Омска был переделан в процессе разработки и представлен в измененном виде [21] на выставке в краеведческом музее в 1954 г. [22, с. 2]. Омские архитекторы перехватили инициативу и переработали генплан. В 1961 г. был утверждён проект детальной планировки города, составленный коллективом омских архитекторов (Главный архитектор проекта Степанов Е. А.)². Этот вариант включил в себя градостроительный каркас предыдущих проектов, но с учетом их изменения.

Таким образом, градостроительная сетка города разрабатывалась на протяжении всего десятилетия коллективами из Москвы и Омска. Использование историко-культурной модели показало, что архитектурская мысль развивалась планомерно (типовое проектирование применялось до коренных изменений 1954–1955 гг.). Причины трансформаций не всегда связаны с общей культурной парадигмой, так как региональные особенности и композиционные характеристики могут сказываться на архитектурном и градостроительном уровне.

Типизация проектирования привела к созданию «одинаковых» зданий в разных городах страны. Не стоит умалять культурного значения таких зданий, т.к. в пространстве одного города объект может играть высокую социальную или культурную роль. Прежде всего, это здания утилитарного назначения, которые обслуживали население. Например, здания аэровокзалов возводились по ведомственной линии, поэтому аэропорты во многих городах СССР имеют схожий вид. Над типовым проектом работала бригада столичной проектной организации «Аэропроект» (1950–1951 гг.) арх. Д. Л. Канторович, инж. Н. И. Ирмес [20, с. 125]. Здание оказалось удобным для «привязки» на местности и функционально универсальным для многих городов СССР. В ходе натурального изучения и освоения массива фотографий

1950-х гг. автором был составлен перечень городов: Омск, Красноярск, Челябинск, Екатеринбург, Казань, Львов, Чита, Харьков. Все эти здания возведены с минимальными изменениями внешнего вида, но типовый проект остается узнаваемым. При возведении новых аэропортов в крупных городах требовалось бы немалых усилий для разработки индивидуального проекта, поэтому типовый вариант оказался наиболее удачным и экономически выгодным решением.

Ещё одним примером массового повторного применения может выступать проект двухзального кинотеатра (архитектор С. И. Якшин). В. Г. Рыженко удалось установить, что прототипом для последующих вариаций в Омске (кинотеатр им. В. В. Маяковского) и Уфе (кинотеатр «Родина») был кинотеатр «Ударник» в Сталинграде [9, с. 231]. Действительно, образ кинотеатра в Тракторозаводском районе Сталинграда с соответствующим оформлением и световым оборудованием прилегающей территории был знаком архитекторам. В опубликованных материалах XIII пленума Союза архитекторов в приложении на фотографии под № 31 [23, с. 150] был изображен кинотеатр. В ходе нашего исследования удалось установить, что по этому проекту были возведены здания в разных частях страны и с разными названиями: Архангельск — «Мир», Воронеж — «Родина», Ижевск — «Дружба», Керчь — «Украина», Пенза — «Родина», Феодосия — «Крым», Курган — «Россия»³. Работа над омской версией производилась в 1953–1954 гг. Местный архитектор П. И. Круткин участвовал в разработке прилегающей территории. Проект сохранился [24], благодаря чему можно констатировать, что типовый проект реализован без изменений объема, а также для подчеркивания положения этого здания автор предусмотрел фонтан, который в настоящее время эксплуатируется как клумба.

Один из неизвестных архитектурных проектов, который должны были возвести к 1953 г., — проект Дома общественных собраний завода им. Козицкого. Главный архитектор этого проекта — А. И. Юмакаев⁴. В запасниках музея истории института «Омскгражданпроект» найдены фотопроект Дома общественных организаций. Четыре фотографии с графических листов: Генеральный план, план второго этажа (центральная часть), интерьер зрительного зала, интерьер фойе. Учитывая качество изображения, можно констатировать, что проекты были проработаны на должном графическом уровне. В Историческом архиве Омской области удалось найти Протокол № 5 заседания архитектурно-экспертного совета при отделе по делам архитектуры исполкома Омского городского Совета депутатов трудящихся от 24 июля 1950 г., председатель — гл. архитектор города Г. А. Капустин [25]. Протокол оказался малоинформативным, но с постановлением «одобрить». Экспертами выступали: по архитектурной части — Г. А. Капустин, по конструктивной части — Голубецкий, по сантехнической части — Никитин.

После тщательного изучения генерального плана и натурального обследования территории можно установить, что Дом общественных организаций должен был размещаться в специально созданном для него квартале, ограниченном улицами: Гусарова, Рабиновича, Чернышевского, Освободительской (ныне Яковлева). Рядом располагались: производственные корпуса завода (через ул. Рабиновича расположен перестроенный в годы войны учебный корпус пединститута, который был отдан под эвакуированное из Ленинграда предприятие), два жилых дома рабочих завода

(1949 г., арх. Е. А. Степанов). В ходе изучения карт 1940 г. и 1941 г. и фотографий установлено, что на данной территории был пустырь с несколькими незначительными деревянными постройками.

В плане проектируемое здание [26] имело сложную форму: центральный корпус и два меньшего размера крыла соединялись через переходы и фланкировали, создавая площадь. С северо-востока и юго-запада к зданию прилегали спортивные площадки и площадь для массовых мероприятий. Вдоль по ул. Чернышевского квартал окружен зелеными насаждениями с местами отдыха⁵. Генплан был разработан с учетом ландшафта и топографии места, имел удачное расположение корпусов с целью освещения помещений естественным светом в течение всего рабочего дня. План второго этажа содержал дополнительное уточнение — центральную часть, на этом этаже располагался большой актовый зал. Юмакаев прорисовал размещение кресел, что дало возможность просчитать вместимость зала на втором этаже — 452 места. На плане же нанесен один показатель — партерная площадь — 1288 куб. м. На проекте интерьера зрительного зала показан вид с последних рядов, над которыми возвышается балкон. При сопоставлении плана и эскиза интерьера можно установить, что балкон рассчитан на 50–52 места, что дает основание считать, что объем зала рассчитан минимум на 500 человек. На общем виде интерьера отчетливо читается второй ярус, то есть, фойе двухсветное, что подтверждает возможность эксплуатации балконов зрительного зала⁶. Остается невыясненным, каким планировался главный фасад. На плане видно, что должен был быть портик с шестью колоннами, в простенках семь окон. В неатрибутированных копиях проектов в архиве музея был обнаружен боковой фасад главного корпуса. Фотография обрезана на месте перехода, но это не помещало определить общую стилистику здания. Несущие элементы (колонны в стенах) задекорированы под пилястры с коринфскими капителями, следовательно, колонны на главном фасаде должны были быть выполнены в соответствии с ними, что отвечало требованиям «соц-реалистического канона». На уровне второго этажа бокового коридора изображены четыре французских балкона, на фризе имеются гирлянды с привязками.

Проект можно отнести к «бумажной архитектуре», так как до реализации дело не дошло. На пленарном заседании главных городских архитекторов в Москве (1953 г.) было отмечено, что в большинстве промышленных городов РСФСР происходит недооценка роли и значения общественных зданий в застройке центра города, и это негативным образом сказывается на ансамбле: «В Омске Дворец культуры им. Козицкого поставлен в центре города, но на второстепенной улице в общую линию застройки» [27, л. 12]. Возможно, это является главной причиной в отказе утверждения проекта на республиканском уровне.

Таким образом, на протяжении исследуемого десятилетия архитекторами велась работа по проектированию общественно значимых объектов без утвержденного генерального плана застройки, что приводило к осуществлению только тех проектов, которые соответствовали принципам универсальности и финансовой экономии. Омские архитекторы выполняли заказы в духе времени, а при недостаточности сил применяли типовое проектирование. Применение исторического метода в исследовании отраслевых источников позволило установить зна-

ковые объекты, к которым ученые ранее не обращались. Наиболее показательным моментом в разнице исторического и отраслевого подходов явилось типовое проектирование, использованное во время максимального развития архитектуры сталинской эпохи.

Примечания

1. Фотографии были переданы родственниками Б. И. Оглы в Музей истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина при Новосибирской архитектурно-художественной академии. Фонд архитектора ещё не сформирован, но предварительное описание составлено, поэтому номер фотографии дан в соответствии с внутренней нумерацией.

2. Фотокопия проекта хранится в личном архиве Ж. М. Хахаевой.

3. В перечне представлены только те кинотеатры, которые были возведены без существенных изменений фасадной части. Начало поисков данного ряда было положено В. Г. Рыженко [9, с. 225–241].

4. В перечнях основных работ этот объект не встречается (см.: Трутнев, Л. Е. Семьдесят лет созидания. — Омск, 2005. — С. 123; Юмакаев Анвербек Исмагулович // Энциклопедия Омской области : в 2 т. Т. 2 (М-Я). — Омск, 2010. — С. 567; Справка из Словаря архитекторов. ГНИМА им. А. В. Щусева. — М., 2013, апрель.

5. Выполнено в соответствии с архитектурно-планировочным заданием (см.: КУ ИсаОО. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.

6. Такой тип фойе был использован во многих ДК, в том числе первом послевоенном — ДК завода им. П. И. Баранова.

Библиографический список

1. Цапенко, М. П. О реалистических основах советской архитектуры / М. П. Цапенко. — М., 1952. — 396 с.
2. Хан-Магомедов, С. О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы / С. О. Хан-Магомедов // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. — М., 2013. — С. 110–133.
3. Линчевская, Н. Г. Из истории омского градостроительства 1950-х годов / Н. Г. Линчевская // Декабрьские диалоги : материалы VI Всерос. науч. конф. — Омск, 2004. — Вып. 6. — С. 167–172.
4. Мысливцева, Г. Ю. Художник и город. К проблеме социального заказа (Монументально-декоративное искусство в Омске. 1960–1970-е гг.) / Г. Ю. Мысливцева // Культурологические исследования в Сибири. — Омск, 1999. — Вып. 2. — С. 108–115.
5. Кочедамов, В. И. Омск. Как рос и строился город / В. И. Кочедамов. — Омск, 1960. — 112 с.
6. Оглы, Б. И. Строительство городов Сибири / Б. И. Оглы. — Л., 1980. — 272 с.
7. Духанов, С. С. Особенности работ по генеральной планировке городов западной Сибири в 1930-е гг. (по материалам фотофонда музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина) / С. С. Духанов // Баландинские чтения : сб. статей VIII научных чтений памяти С. Н. Баландина. — Новосибирск, 2014. — С. 311–319.
8. Алисов, Д. А. Культура городов Сибири в условиях модернизации (к постановке проблемы) : сб. науч. тр. ООМНИИ им. М. А. Врубелья / Д. А. Алисов. — Омск, 1997. — С. 5–16.
9. Рыженко, В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) / В. Г. Рыженко. — Омск, 2010. — 340 с.
10. Рыженко, В. Г. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материале Западной Сибири) / В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова, Д. А. Алисов. — Омск, 2004. — 292 с.

11. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве / А. В. Иконников. — М., 2006. — 352 с.
12. Сизов, С. Г. Омск в годы «послевоенного сталинизма» (1945 — март 1953 гг.) / С. Г. Сизов. — Омск, 2012. — 250 с.
13. КУ ИсаОО Ф. 477. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
14. ГА РФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 723. Л. 6.
15. КУ ИсаОО Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Л. 1-6.
16. КУ ИсаОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.
17. Музей истории архитектуры им. С. Н. Баландина. Фонд. Оглы Б. И. Папка «Города Западной Сибири». Конверт 4. Фотография 3.
18. КУ ИсаОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Л. 32.
19. КУ ИсаОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Л. 32 об.
20. Слабуха, А. В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX — начало XXI века / А. В. Слабуха. — М., 2004. — 432 с.
21. Омский историко-краеведческий музей. Фотофонд. ОМК 7446-3 ; ОМК 7446-4.
22. Кириллова, З. Выставка о нашем городе / З. Кириллова // Омская правда. — 1954. — 12 мая. — С. 2.
23. Творческие задачи Союза советских архитекторов. — М., 1951. — 216 с.
24. БУК «Музей имени М. А. Врубеля» Круткин П. И. Кино-театр на 700 мест. Проект привязки. 1953. Бумага, тушь, перо, акварель. 51,0x50,7.ВХ-35825.
25. КУ ИсаОО Ф.477. Оп. 1. Д. 1. Л.196-197.
26. Музей истории института ОАО ТПИ «Омскграждан-проект». Личная папка А. И. Юмакаева. Л. 4.
27. ГА РФ Ф. А-150. Оп. 2. Д. 723. Л. 12.

КУЗЕВАНОВ Виктор Сергеевич, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии.

Адрес для переписки: Victors2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.10.2014 г.

© В. С. Кузеванов

УДК 930.2

**О. Н. НАУМЕНКО
Е. А. НАУМЕНКО**

Тюменский государственный
университет

КАТОЛИЧЕСКИЙ ОРДЕН ИЕЗУИТОВ И СИБИРЬ: НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, РЕЛИГИОЗНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблемам адаптации Ордена иезуитов в России и Сибири после их изгнания из Западной Европы. Авторы подчеркивают, что идеология Ордена противоречила системе христианских ценностей, а подбор и воспитание членов Ордена основывались на основе особой нравственно-психологической системы. В статье также рассматривается история Ордена в условиях западносибирской ссылки. Актуальность и новизна статьи обусловлена интересом научного сообщества к Ордену иезуитов в связи с тем, что представитель Ордена Франциск I занял должность Римского папы в Ватикане.

Ключевые слова: иезуиты, католицизм, религиозная политика, государственная власть, Екатерина II, Александр I, Западная Сибирь.

Российское государство XIX в. носило черты теократии, что проявлялось в религиозной регламентации всех сторон общественной и личной жизни граждан. Закон запрещал православным переходить в инославие, иноверцы имели право исповедовать свою религию с множеством ограничений, за нарушение которых предусматривалось наказание ссылкой.

Наряду с представителями иных религиозных конфессий, в начале XIX в. в западносибирской ссылке оказались члены монашеского Ордена иезуитов. Наказание Ордена исходило не просто из стремления сохранить православный характер Российского государства, но из конфликта иезуитов с государственной властью.

Первоначально, при Екатерине II, взаимоотношения Ордена с российскими властями складывались вполне благополучно. После вхождения белорусских

земель в состав России число иноверцев в стране увеличилось за счет проживавших там иезуитов. Это событие совпало с запрещением в 1773 г. Папой Климентом XIV Иезуитского ордена. За деятельность, попиравшую все устои христианства, глава Римской церкви лишил иезуитов их имущества, прав и привилегий. Монархи большинства католических государств последовали примеру Папы, изгнав иезуитов из своих стран. Покровительство Ордену оказала Екатерина II, пригласив их на жительство в Россию [1, л. 45], тем самым бросив вызов всему католическому миру, практически всей Европе.

Идеология Ордена и нравственные качества переселенцев отличались своеобразием. Как известно, Орден иезуитов был создан в 1534 г. Игнатием Лойолой для борьбы с ересями и Реформацией, и одним из главных его принципов стал тезис «Цель

оправдывает средства» [2, с. 29]. Римский папа заранее простил им все возможные грехи, выдал соответствующие индульгенции, а также разрешил жить светской, а не монашеской жизнью. Такая политика требовала соответствующего подбора кадров. Личность таких людей отличала особая система ценностей, ориентиров и самосознания. Основными ориентирами их нравственности являлась необходимость «жизни в миру» — общественно необходимый труд, семья, строгое подчинение государственной правовой регламентации. Кроме того, такая политика подбора кадров предполагала особый способ восприятия действительности, который совмещал бы необходимость следования строгим религиозным догматам, с одной стороны, с вариативными гражданскими, общекультурными — с другой. Такой образ жизни не соответствовал ни католическим, ни православным принципам. Нарушался целибат, в качестве карательной меры для неугодных применялись различные способы воздействия. Особо предпочтительной мерой влияния являлось использование отравлений, удушений и прочих средств.

Такие особенности психологического уклада, морали, сознания и идеологии членов Ордена наложились на условия, предоставленные им Екатериной. Съехавшимся в Белоруссию иезуитам были выделены имения, а принадлежащие им крестьяне были освобождены от государственных податей [1, л. 45], что давало возможность владельцам обогащаться. Специальным указом члены Ордена освобождались от государственного контроля за накоплением капитала. Кроме этого, иезуиты получили право проводить службы в римско-католических церквях и организовывать духовные учебные заведения [1, л. 45 об.]. Забота об иезуитах официально объяснялась тем, что они отказались от действий, ставших причиной гонения на Орден, и стремятся «посвятить себя единственно воспитанию в Белоруссии римско-католического юношества, которым они могли быть полезны своим просвещением, если бы оно было основано на любви христианской» [1, л. 45]. Действительно, сразу после присоединения Белоруссии к России отошло четыре основанные ими коллегии [3, с. 56], а вся последующая деятельность иезуитов неразрывно связана с наукой и образованием. Где бы они ни жили — там появлялись школы, коллегии и даже университеты.

С 1773 г. в течение четырех последующих десятилетий иезуиты смогли укрепиться в России: росло их богатство, через духовные училища и проповеди шло активное вовлечение в Орден православного населения по всей стране, начали ущемляться права господствующей церкви. К 1815 г. иезуиты должны были ей более двухсот тысяч рублей, но платить долг отказались. Погасив этот долг из государственной казны, Александр I распорядился ограничить деятельность Ордена, а проживавшие в С.-Петербурге иезуиты были в административном порядке высланы в отдаленные районы империи. Среди группы иезуитов в Западную Сибирь пришло шесть генералов Ордена — ксендзы и пастыри Валюжинич, Дроздович, Каменский, Козачевич, Лашкевич и Могилевич [1, л. 45].

Несмотря на то что члены Ордена были отправлены под надзор полиции, это была «почетная» ссылка. Согласно официальным документам, иезуиты прибыли в Сибирь поднимать культурный и нравственный уровень сибирского населения. Они получили право исполнять обязанности католических священников, так как в ссылке находилось много

польских конфедератов, а число ксендзов и пастырей было ограничено.

Постепенно иезуиты начали вмешиваться в дела местной администрации, пытаясь даже оказывать на нее давление. Так, в 1815 г. несколько духовных лиц греко-униатского вероисповедания обратились к Тобольскому губернатору с просьбой разрешить им исполнять обязанности католических священников. Губернатор отказал, мотивируя тем, что эта деятельность будет незаконной, а также отсутствие полномочий у губернских властей решать духовные дела. За униатов вступились иезуиты. Генерал Ордена Дроздович потребовал от губернатора срочно решить этот вопрос в положительную сторону. Ситуация накалялась, губернатор не пошел на уступки и запретил Иезуитскому ордену принимать в свое ведомство священников греко-униатского вероисповедания [4, л. 20].

Иезуиты, в свою очередь, игнорировали этот запрет. Более того, их деятельность по вовлечению в Орден православного населения стала более активной. Под предлогом исполнения треб они посещали местности, где не было ни одного католика. Губернские власти зафиксировали несколько случаев, когда в иезуитскую веру были насильно обращены еврейские дети [4, л. 20 об.]. Хотя иезуитам было разрешено служить в качестве католических священников только в местностях, где таковые отсутствовали, на практике были случаи их вытеснения иезуитами [4, л. 20]. Кроме того, работая в качестве католических священников, они отказывались помогать нищим и немощным, чем вызывали недовольство местного духовенства и обывателей.

Вызывающее поведение иезуитов совпало с изменением международной обстановки. Сближение России с европейскими странами после войны с Наполеоном вынудило Александра I в 1820 г. запретить деятельность Ордена. Находясь в пределах империи, члены Ордена не должны были называть себя иезуитами и получили возможность перейти в любой иной католический монашеский орден или православное «белое» духовенство [1, л. 44]. Не принявшие условий выслались за границу под полицейским арестом. Из Западной Сибири высылке подлежали все, и Орден в составе нескольких сотен человек подготовился к эмиграции.

Перед переселением император лишил иезуитов привилегий и имущества. Все ценности были описаны, при этом особое внимание было обращено на драгоценные камни, чтобы их нельзя было вывезти за границу. Конфискованные деньги и собранные ими библиотеки были переданы местному Приказу общественного призрения [1, л. 36]. Однако строгость по отношению к иезуитам была в значительной степени внешней. В действительности Александр I максимально, насколько это было возможно в рассмотренных условиях, окружил членов Ордена заботой и вниманием.

Страну для жительства — Австрию — иезуиты выбрали сами, при этом власти содействовали их беспрепятственному выезду: «Государь Император Высочайше повелел, чтобы высылаемым иезуитам всякое снисхождение оказываемо было, чтобы назначено было нужное время на приготовление к пути, и чтобы следовали спокойно, без всякой поспешности, неприятность им нанести могущей» [1, л. 1]. Император также требовал уважения к иезуитам, подчеркивая, «чтобы меры строгости, Орденом заслуженные, не были смешиваемы с мерами кротости и уважения человеческого» [1, л. 1].

Высылаемым было назначено кормовое пособие по рублю в сутки, в то время как обычное пособие для пересыльных составляло 2 коп. в сутки, достигнув 7 коп. только к 1860-м гг. [4, л. 15], а также выданы сопроводительные документы с императорской сургучевой печатью. К сожалению, источники не позволяют проследить, все ли иезуиты покинули Сибирь, но три из шести сопроводительных документов на генералов Ордена остались в архиве [1, л. 2–4]. Это позволяет предположить, что трое членов Ордена продолжили некоторое время свою деятельность в Западной Сибири.

Личное участие Александра I в судьбе иезуитов вряд ли может объясняться исключительно политическими мотивам. Привилегированное положение Ордена, попиравшего даже права Православной церкви, противоречило общегосударственному курсу на укрепление ортодоксальной религии и в корне отличалось от отношения к представителям иных конфессий. В частности, уголовные дела на иезуитов, «сворачивавших» православных в свою веру, закрывались по приказу императора [5, с. 179], и иезуиты всегда оставались безнаказанными.

Какое число сибиряков перешло в Орден — точно неизвестно, но, кроме эмиграционной волны в Австрию, по свидетельству современников событий, огромная колонна иезуитов в составе 400–500 человек двигалась по Сибири в сторону Аляски [3, с. 97]. Вскоре в г. Омаха штата Небраска был открыт Иезуитский университет, где создана редчайшая библиотека и члены Ордена сполна смогли реализовать свой научный и преподавательский потенциал. В настоящее время в США действует 28 высших иезуитских учебных заведений, абсолютное большинство из которых основаны в XIX в. [6]. Сам же Орден изменил идеологию: иезуиты опять приняли обеты бедности, послушания и целомудрия. Вхождение в состав Ордена новых членов стало сопровождаться серьезным отбором в соответствии с моральными качествами кандидатов. Эволюция Ордена завершилась в 2013 г., когда впервые в истории на долж-

ность Римского Папы был избран иезуит, принявший имя Франциска и, по признанию католиков мира, ставший редчайшим примером сочетания всех нравственных качеств человека.

Библиографический список

1. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2. Оп.1. Д. 391.
2. Власов, В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 10 т. [Текст] / В. Г. Власов. — СПб. : Азбука-классика, 2006. — Т. 4. — 752 с.
3. Malachi, M. The Jesuits [Текст] / M. Malachi. — New York, 1988. — 112 с.
4. Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (БГУТО ГА в г. Тобольске). Ф.152. Оп.1. Д.129.
5. Бортникова, О. Н. Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири (1801–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук [Текст] / О. Н. Бортникова. — Омск, 1999. — 354 с.
6. Ассоциация иезуитских колледжей и университетов / Независимая электронная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F1%F1%E0%F6%E8%0F6%E8%FF_%E8% E5%E7%F3%E8%F2%F1%EA%E8%F5_%EA%E8%EB%EB%E5%E4%E6%E5%E9_%E8_%F3%ED%E8%E2%E5%F0%F1%E8%F2%E5%F2%E8%E2 (дата обращения: 28.08.2014).

НАУМЕНКО Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры конституционного и муниципального права.

НАУМЕНКО Евгений Александрович, доктор психологических наук, профессор (Россия), профессор кафедры государственного и муниципального управления.

Адрес для переписки: hea2004@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.10.2014 г.

© О. Н. Науменко, Е. А. Науменко

Книжная полка

Первая мировая война. Сборник документов и материалов исторического архива Омской области / Отв. сост. Л. И. Огородникова ; сост. Т. В. Каиндина, Н. А. Коновалова, Д. И. Петин, Ю. В. Тимченко, Н. С. Храпова ; автор предислов. А. М. Лосунов. — Омск : Омскбланкиздат, 2014. — 202 с. — ISBN 978-5-804203-61-1.

Данное издание включает в себя документы и статьи сотрудников архива по истории Первой мировой войны, рассказывающие о положении дел в г. Омске и Акмолинской области в этот период. Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей края.

Рычков, А. В. Новейшая история : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / А. В. Рычков. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM). — ISBN 978-5-8149-0722-6.

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «Новейшая история», контрольные вопросы и библиографический список по каждой теме. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Предназначено для студентов дистанционной и заочной форм обучения.